Как женились Чекмаревы

Григорий Иванович Коновалов

SHOUT
SHARE
IT

- Коновалов Григорий Иванович

Коновалов Григорий Иванович
Как женились Чекмаревы

Григорий Иванович Коновалов
КАК ЖЕНИЛИСЬ ЧЕКМАРЕВЫ
ПОВЕСТЬ
1

Ночью Волга перевалила Дубовую грпву и, обнюхивая летошние грядки и стволы деревьев, разлилась по нпзовским садам, мягко надавила волной на садовую калитку Чекмаревых.

Афанасий проснулся до восхода солнца в нетопленной, пристроенной к дому бревенчатой боковушке, потянулся всем молодым телом, каждой жилкой. Рано было идти в райком партии. И радио еще молчало. Да он и не ждал, что за ночь мог произойти на фронтах перелом. Вчера же вечером передали сводку Верховного командования:

- Начатое в апреле наступление Красной Армии на Изюм - Барвенково приостановлено, войска отошли на заранее подготовленные позиции.

По частным эпизодам, переданным Совинформбюро, Афанасий догадывался: немцы крупно и круто наступают на юго-восток.

Заведующий организационным отделом райкома, он сам принимал участие в мобилизациях (кого взять, кого забронировать). Вчера отправили в армию многих рабочих порта и судоремонтного завода. На их места поставили стариков и женщин. Поселок Одолень беднел мужиками с каждым днем, а дел становилось все больше.

Афанасий обмотал ноги портянками, натянул резиноые с раструбами сапоги, надел ватник с блестками рыбьей чешуи, кепку и вышел во двор. С высокого плаца двора вглядывался из-под ладони в разлившуюся в низовье Волгу, вылавливая взглядом суда в седой, на тумане замешанной мари: грузовых не было, лпшь катера военной флотилии, пестрея полосатыми раскрасками под цвет берегов выходили из-за острова.

По выдолбленным в песчаном камне ступенькам он спустился в молодой сад. Подмяв плетень, вода с пеной и щепой разгуливала меж деревьев.

Сады замерзли позапрошлой зимой, все лето печалили своею черной наготою. И Афанасий, вернувшись тогда с финского фронта, долго недужил после ранения в бок, кажется потому, что погибли сады. И следующей весной яблони хворали, едва-едва

выметав прозрачно-зеленую листву. А теперь зацвели. В чистом речном воздухе тонко и мимолетно пахло яблоневым цветом.

На быстринке вздрагивала ветвями молоденькая смугло-зеленая яблонька. Умилила она Афанасия тем, что была едва ли выше пояса, а густой беловато-розовый первоцвет всплошную облепил каждую ветку, выпушился даже из ствола. И Афанасий жалостно засомневался: под силу ли несовершеннолетней и кривенькой такая буйная, до полного самоисчерпания, жажда плодоносить?

Подтянул сапоги до разножья и, стараясь не булькать водой, пошел к яблоне, скользя подошвами по дну. Потоптался вокруг деревца, осторожно потрогал крупными и жесткими пальцами ствол и, будто раздувая пламя, подышал на влажные от водяного пара цветы, все еще сомневаясь, свой ли у яблони густоцвет?

В прежние времена Афанасий оборвал бы цвет, чтобы яолонька, не изнурял себя материнством, гнала прирост.

Но теперь, в войну, когда все живое торопилось повзрослеть, он заробел обесплодить ее. Сама справится, коли приспела охота плодоносить.

Пчела, прошумев мимо уха, села на цветок и самозабвенно начала рыться в розово-желтой сердцевине,

Афанасий выпятился на берег, подрыгал ногами, сбрасывая с сапог грязь, поднялся по тем же в каменистом взгорье вырубленным ступенькам.

У обрыва на бревне сидел отец, накинув на плечи ватник, локоть утвердил на колене, в ладони упокоил подбородок. Из короткой трубки запашистып стекал дым по усам.

- Что это за порядки, Афоня? Не появись лодка на реке или, не дай бог, в протоке за кустами. Катер подлетает: сматывайся, дед! А почему? Ты командуешь?

- Зона угрожаемая. Кто тебя знает: рыбачишь или мины ставишь?

- Мины. Магнитные. Шестьдесят пять лет знали меня, а теперь застило. Да разве я о том скорблю?

- Трудно стало понимать тебя, батя.

- Я заговариваюсь?

- Не договариваешь.

В это утро отец изводил Афанасия; мы, старики-де, свое отслужили, революцию сделали, теперь с нас, стариков-дураков, спросу мало, из профсоюза не выгонишь и в тюрьму не посадишь, если что не так завернем. А если исключишь или посадишь, пропадешь без нас, стариков.

Афанасий, сжавшись, молча противостоял родителю, спасаясь: только возрази, и отца прорвет и понесет. Или еще

горше: положит на стол похоронку на Витю, уйдет в едкую отрешенность. Но чем опасливее держался Афанасий близ больного места, тем чаще сам отец натыкался этой рапой на острие.

- Первый раз за всю мою жизнь не радуюсь весне.

И зачем только пережил я матушку?

- Что же делать, батя?! Жить надо...

- Жить, жить! Лодку не докрасил, бросил. Сад зачужал... А тут еще на фронте херня-мурня. Под Харьковом зашебутились наши - и молчок, притихли. Не двинут нас германцы под самое сердце?

- Наступают.

- Ну, летось внезапность. А сейчас что?

- Да я откуда знаю?! Командование объяснило - сосредоточили превосходящие силы на одном южном направлении. А больше мне неизвестно.

- Врешь. Ныне от отца скрываешься, завтра - от народа... Гляди, парень.

- Думай, что говоришь.

- Слышь, Афоня, родной, а может, оплошали мы, через свою доброту кровью умываемся? Больно уж доверчивы. Уж таких простодыр, как русские, не сыскать.

- Да, может быть, и так.

- Да что ты поспорить-то боишься?! - воскликнул отец со слезой в голосе. - Пружина слаба в душе? Чуть надавил, поддакиваешь. А вдруг я клевету на тех же германцев возвожу? Ведь когда-то Советскую власть на ноги ставили в Баварии. Тельмана двигали к власти... Ну? Или сейчас не расположены к хорошему? Или мы чем себя подмочили в глазах мирового пролетариата?

- Мы не можем позволить себе роскошь - по-русски копаться в своих ошибках, бить себя в грудь. Глупо упрекать себя. Враг жесток, - сказал Афанасий.

- А где ты видел милосердных врагов? Он тот самый, главный...

За рекой с поднизу тучи тепло взыграло солнце. Зйпели, зачирикали скворцы и воробьи по всему саду.

- Афанасий, по-твоему, я кое-что кумекаю в жизни?

- Ты, Игнат Артемьевич, насквозь все видишь.

- Справедливый?

- Само собой.

- Безжалостный?

- Добрый.

- Ладно. Первый вопрос согласовали, Афоня. Ну а теперь откройся, какие у тебя умыслы насчет вон того дома? - Игнат

показал трубкой через улицу на деревянный, осевший на угол домпк со светелкой.

- А что дом? Ремонтировать надо бы... подгнил.

- Ремонтировать, значит... Глаз у тебя сметлив. А насчет жителей того дома есть в твоей голове какие-нибудь идеи? Не торопись с ответом, сынок. Я раскидал пшензцу, не вот она взойдет. Посидим, на солнышко поглядим, я помечтаю, а ты подумай о жителях того дома.

Сдвинув на макушки кепки, молчали легко, глядя - Игнат за Волгу, Афанасии на поселок.

Война ли размывала в душе давние напластования жизни, старость ли оглядывалась на исхоженные тропы, но только близко-близко видел Игнат батю, дедушку, прадеда. Грузчиками ж рыбаками был весь род, почтительна учтенный сейчас встревоженно обострившейся памятью.

Неунывные, приветливые женолюбы распашисто принимали многоголосую жизнь. И помирали без хвори, легко:

с утра задумаются над нежданно замысловатой вроде бы загадкой, удивленно ощупывая себя, а на закате солнца, за минуты до исхода, прощаются с родными обниженным вечной тишиной голосом. Правильная кончина подходила к ним на цыпочках, поднося к их губам, не расплескав ни капли, полную чашу забвения. Лишь мгновенно как бы в нерешительности вздрагивали губы, легкий озноб проходил от головы до ног, потом в покое доверчиво остывало каждым мускулом сильное тело.

До войны Игнат как само собой разумеющееся ждал нэ умом, а лишь дремлющей где-то в глубине души жилкой такой же легкой развязки, потому что торил дальше жизненную стежку предков. По его широко пружинившей спине перекочевали с пароходов на берег азиатский хлопок, мелкий прокат, бочки каспийской сэледки, кули Вольского цемента, рогожные мешки с арбузами Быковских хуторов и Камышина. А с берега в трюмы переехали на Игнатовом хребту пятерики с пшеницей и мукой, пахнувшей летним теплом.

Крепко надеялись на Чекмаревых капитаны, а польщенные тем Чекмаревы не подводили речникоз, особенно когда суда задерживались в пути.

В детстве сыновья-двойня - Афоня и Витя, окидывая вот с этой престольно-каменной высоты Волгу, опережали Игната:

- Топает! Идет!

- Да где? Не вижу, - обрадованно притворялся, бывало, Игнат.

По контурам, по трубам и полосам на них, по тембру сирен угадывали ребятишки, какого класса судно режет волжскую

волну.

Еще не смолкнет эхо позывного гудка, а Игнат уже стоит со своей бригадой у стенки, и за широкой спиной его прячется "обезьянка". Была та "обезьянка" особенной:

вместо дрючков привинчены длинные бычьи рога. В молодости даже по крутому трапу Игнат весело, поигрывая, за один раз переносил двенадцать пудов. Братья его не уступали в силе, только были похитрее и разборчивее.

Игнат выпивал раз в году: на исходе лета садился с товарищами на мягкую мураву у родника и не вставал, пока ни крошки не оставалось от калача, хомутины колбасы и четверти вина. После того выкуривал трубку чебоксарской махорки.

- Афоня, Витя, подымите старика, - протягивал, бывало, руки, прикинувшись отяжелевшим.

Сыновья, упираясь пятками в землю, выкатывая синие глаза, сопя, тянули батю за руки.

По взвозу шли рядом, Афоня и Витя держались за брезентовые штанины отца. А остатний путь через сады они коршунами сидели на выступах отцовских плеч, подпевали, крася дискантами густой бас родителя.

Незаметно вымахали почесть вровень с батей, только были пока жидковаты, большеголовы, как волчата. Долго росли вширь, были вяловаты, и все время хотелось им спать. Не расстались они с родовой чекмарезской обыклостью, пошли в грузчики с шестнадцати лет, вечерами учились в школе. Оба сдали в техникуме на механиков, вместе пошли служить в армию. После финской кампаний Афанасий вернулся, Виктор остался в кадрах танкистом...

2

Вешними водами скатились молодые лета Игната Чекмарева. Прошлый год он овдовел и потерял Виктора.

В то утро на работу в порт принесла Мария завтрак ему и Афанасию. У такелажной конторы в тени задичавшего сада на скамейке, расстелив скатерку, сели они поесть жареных карасей. На крыше конторы возле серебристого раструба репродуктора стоял, подпирая спиной утреннюю синеву, ученик ремесленного училища в форменке и фуражке с якорьком, поглядывая на рабочих внизу во дворе. Из репродуктора, раструбом напоминавшего цветок-колокольчик, позывные Москвы, тревожа и обнадеживая Чекмаревых, звучно и долго плескались над портом, над рекой. Грузчики повставали, землекопы, рывшие котлован, подняли головы, опираясь на лопаты.

- Эй, парнишка, поторопи Москву! - крикнул Игнат ремесленнику на крыше. - Замахивается, а не ударяет.

Густой голос вперемежку с позывными объявил, что работают все радиостанции Советского Союза и что у микрофона Председатель Государственного Комитета Обороны товарищ Сталин.

Заправив волосы под косынку, Мария толкнула Игната в бок:

- Что, Игнаша, не замирения ли бог послал? Может, злодей одумался и прощения попросил у Сталина?

- Не знаю, Маня. Может, и беда похуже, - сказал Игнат, надевая кепку.

- Куда уж хуже-то, Игната? Разве самураи...

В тишине - сдерживаемое дыхание, глухой переступ ног колыхнувшихся во дворе людей. В обрызганном росой саду весело, как гулькает ребенок, прокричала желто-черная иволга, качаясь на ветке.

Послышался тихий, прерываемый волнением голос:

- Товарищи! Граждане! Братья и сестры. Бойцы нашей армии и флота. К вам обращаюсь я, друзья мои, - голос задрожал, прервался.

- Господи.., - услыхал Игнат голос жены. На побледневшем лице ее выцветали в тоске глаза. Игнат сердитым взглядом окинул толпу.

Сталин уже спокойно, по-стариковски ровно спрашивал себя, Игната, народ:

- Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов?

В самое сердце толкнуло Игната это горькое "сдала".

Будто уличенный в чем-то постыдном (в чем и виноват-то не был), он сник головой, но тут же строптиво, с вызовом посмотрел в лицо Афанасия мрачная озлобленность прокалила коричнево-загорелое сильное лицо сына.

- ...Дело идет о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР...

- Поняла, Маша? - спросил Игнат жену строговато.

- Как же не понять, для нас говорил.

Игнат вскинул взгляд на крышу, на ученика ремесленного училища, улыбнулся его серьезному, вдруг повзрослевшему лицу. Рабочие молча расходились по своим местам.

Сталин в то утро сказал то, до чего тогда пока еще не дошли Игнат и его товарищи, но должны были дойти позНче своим опытом. Но он не сказал ничего такого, что было бы не по плечу народу, о чем смутно бы не догадывались такие люди, как Игнат. Все, что чувствовал в тревоге и надежде каждый человек в отдельности, было сказано в то утро глубоко, во всей своей нерастраченной нравственной силе...

Как умирала Мария, Игнат не видал - далеко от поселка выгружали всю ночь с затонувшей баржи пшеницу в мешках. Вернулся домой, когда Марию уже обрядили соседки в последний земной путь. Афанасий немо шевелил скипевшимися губами, потом сказал, что мать умерла легко - во сне остановилось сердце.

- Неужели ничего не сказала? Да как же молча отойти? Ведь вместе жизнь прожили. Не испугалась ли чего?

Не с Витькой ли что случилось?

- Батя, я не в силах скрывать... Одни мы остались - Витька... похоронка... Не сумел я скрыть от матушки.

- Дурак! Надо бы меня бить похоронкой...

Ночью Игнату стеснило грудь. Вышел в сад, в спокойное лунное половодье, сел на скамейку у дома и, катая голову по бревенчатой стене, сдерживал судорожно подымавшийся из-под сердца стон.

Подошел Афанасий.

- Ты прости меня, батя. - Оа взял руку отца, припая лбом к ней.

- Что ты?

Помолчав, Игнат сказал, что погибших детей проносят в могилы через сердце матери - других дорог нету.

Остались Чекмаревы-мужики одинокими. Порядок в доме рушился, запустение свило гнездо в каждом углу.

Молодые женские руки навели бы чистоту... Не женили Афоньку при матери, а теперь-то, в двадцать пять лет, узду на него не набросишь, самовольные они в такие года, - все чаще закипал Игнат, однако напрямую пока не говорил с сыном всю сиротскую зиму...

Игнат встал с бревна, отошел к вязу, поманил пальцем Афанасия.

- Ходи-ка, свет, ко мне.

Афанасий, затаив улыбку, подошел, потирая шею.

- В голове прояснилось насчет того дома? - спросил Игнат уже нетерпеливым тоном.

Распахнув окно и откинув занавеску, Катя Михеева навалилась грудью на подоконник, смотрела крупными карими глазами задумчиво и ласково на облачко над Волгой.

По самое окно вспенилась в палисаднике цветами вишня, мазала пыльцой смугло-румяное лицо Кати. Выпрямилась во всю стать, нараспев порадовала Чекмаревых:

- Доброе утро, Игнат Артемьевич! Афанасий Игнатьевич!

Чекмаревы, сняв кепки, кивнули головами.

С умелостью беспромашного ценителя женской заманчивости

Игнат подогревал сына:

- Кого-то на всю жизнь осчастливит Катька. Огонь девка, душевная и разумная. Слыхал я, умненько верховодит райкомом комсомола. А? И в доме чистота и порядок.

Брата в армию взяли, сноха с геологами газ ищет где-то под Саратовом, стало быть, два племянника на руках Катьки. Ухоженные, веселые... Порадовал бы меня такой сношенькой. Осознал бы наше холостяцкое положение.

Рожал бы детей, внуками забавлял меня, старика, - Игнат тетешкал ладонями пока еще не родившихся мальцов.

- Рано ты, батя, повеселел, уши поднял. После войаы подыщем деревянную пилу.

- А что в войну-то баб запаяли, мужиков похолостили? Ну, не дай бог, убьют тебя, род наш пресечется. До конца-го войны не будет она ждать. Пилы хоть деревянвые, а не залеживаются, у мужиков шеи тоскуют по пилам.

- Эта-то? - Афанасий кивнул на Катю. - Не будет.

Есть у нее посмышленее меня... Да и не вижу в ней девки, и не удивляет - с детства на глазах.

- Эх, Афонька, пропадем без женского надзора. От сухомятки изжога источит, язвы до времени сбелосветят.

Мне придется подыскивать старуху? А? Щи-то надо хлебать! Гляди, характер мой знаешь: сказал - отрезал!

- А что? Сильный ты человек.

- Еще бы! Сам себя за волосы на вершок от земли подымаю. А ты, парень, за голову почаще хватайся - без жены-то по волоску раздергают. Умеют и душу по нитке распустить, топчутся на душе-то, как галки весной на лошадиной спине, дергают по волоску и - в свое гнездо. Все равно богаче не делаются.

На товарной пристани загремел роликами ленточный транспортер.

- Намечтались, растравили душу. Пойду, сынок, поиграю мешочками, Вольский цемент пришел. Вон Карп Сазонович на палубе набирает полную грудь воздуха, матюкаться изготовился.

3

Афанасий увязался за отцом.

Из трюма баржи на берег ползла, погромыхивая, серая лента транспортера. Игнат с напарником заваливали на конвейер мешки с цементом, лента волокла их на взгорок, а там подхватывали товарищи, грузили в машины. Любил Афанасий с утра пораньше поразмяться, чтоб, притомясь, всеми мускулами припомнить молодой навык.

Грузчики обливались потом, а лента с цементом, волнисто прогибаясь, все текла и текла, бесконечная, как вечность. Они

лишь молча роптали на своего бригадира Игната, плотнее сжав зубы, посапывая, нянчили и нянчили свинцовой тяжести мешки, укладывая теперь уж под навес на столбах. Знали совестливую ухватку Игната, он и прежде, в мирное время, не сходил на берег, пока не вышвырнет из баржи последнего мешка, а теперь война ему помощница. И когда показалось, что руки повывпхнулись, приехал на транспортере с последним мешком в обнимку сам Игнат. Спрыгнул на землю, загреб длинными руками грузчиков-подростков, толкая их к Волге.

- Пуговки погорели! Купайтесь, женихи! На фронт пойдете, в купели похолоднее окрестят.

- Да ведь к лету клонит, дядя Игнат. Победят к осени.

- А за летом-то опять зима... На всякий случай закалка не мешает.

Игнат разяагишался и, ломая оторопь, бултыхнулся в студеную воду. Кряхтение, фырканье, выдавленные знобящей волной, недолго тревожили вызревшую тишяну.

Не мешкая, Игнат оделся в чистое белье, костюм, а брезентовую робу положил в сумку.

У раскрашенного под зебру ларька "Женские слезы", как называли его портовики, Афанасий расстался с рабочими. От самодельной кислушки отказался, но вяленого леща взял у отца, спрятал под полу пиджака.

- Посолонимся, ребятишки, пока "Иргиз" не подошел, - слышал Афанасий голос отца, валко шагая по деревянной лестнице в поселок на взгорье.

Второй секретарь Павел Гоникин - невысокий, тонкий в поясе, широкоплечий, в военной форме без знаков различия - стоял на крыльце старинного, из красного кирпича дома райкома партии. Легко покачиваясь на носках, подкручивая рыжеватые усы, он с изумлением осмотрел Чекмареза от сапог до кепки.

- Товарищ Чекмарев, я вынужден сделать тебе замечание: продолжаешь нарушать наши обычаи - не носишь форму, - четко и ровно сказал Гоникин и, не слушая объяснений (скоро сошьют гимнастерку и брюки), он упрекнул Афанасия: пора понять, что он не грузчик, а заворг райкома, и нечего демонстрировать дешевый демократизм.

Каждое утро Афанасий получал от Гоникина замечания различного рода, смысл которых, казалось ему, состоял в том, чтобы проверить упругую податливость на подчинение, на восприимчивость критики, на уважение старших работников. К концу работы Гошшнн итожил прожитый день.

Утодрв жажду воспитывать и учить, Гоникин испытывал полноту ощущения жизни и исполненного долга.

Учуяв запах леща, он потянул точеным носом, раздувая ноздри, покачал головой.

- Ладно, - сказал он совсем дружески. - Искушаешь меня.

- Половину уступлю, - Афанасий высунул из-под полы лобастого леща.

- Ну, ну, не тут же...

В своем кабинете Афанасий разрезал леща пополам, одну половину с головой и с большим куском икры завернул в газету для Гоникина, с другой содрал шкуру, позавтракал, запил водой. С тех пор как умерла мать, он все чаще стал доволпть себя на скорую руку.

Едва приступил к рассмотрению списка рабочих гвоздильного завода, чтобы часом позже решить вместе с комиссаром райвоенкомата, кого взять в армию, а кого заоронировать, как Гоникин вызвал его к себе через инструктора.

Гоникин был весело возбужденным. Леща он спрятал в сейф и стал ходить, мягко ступая шевровыми на низком каблуке сапогами.

- Первого взяли в обком, - сказал он. - Давайте думать, кто заменит Курчаткина.

- Обком подскажет.

- Сверху говорят: ищите на месте. Твое мнение? Ты человек обстоятельный, неторопливый, с виду простачок, но к людям приглядка серьезная. Ну как? Есть у нас на месте?

- А чего думать лишку? Берись, Павел Павлович.

Гоникин посмотрел в его глаза:

- Это серьезно, Афанасий Игнатьевич?

- Да и некого, кроме тебя.

- Это что, по принципу: на безрыбпгхе и рак рыба?

- Зачем же? Тут немаловажно желание. А ты как раз и желаешь.

- Коммунист не может так рассуждать: желаю, не желаю. Он солдат партии. Что велит она, то и делает с полным желанием.

- Я это и имел в виду, - согласился Афанасий.

Гоникин остановился перед ним и, строго глядя в лицо его снизу вверх, спросил тихо, с расстановкой:

- А ты потянешь вторым в одной упряжке со мной?

- Не думал пока об этом.

- Хозяйство поселка знаешь. Кадры тебе известны.

Немного медлителен, да ведь со мной никому не придется хлопать ушами. Гонпкин хмуро помолчал, а Афанасий подумал, что, наверное, Гоникина-то и намечают первым.

- При мне не зазеваешься. Не обижайся, Афанас, я привык правду резать в глаза. Подумай о моем предложении.

Афанасий, занимаясь своими делами, всячески примеривал себя к новой предполагаемой работе, но так и не совместил, не подогнал: не то робел, не то мешала какаято фальшь - он не знал. В состоянии неопределенности, недовольства собой томился недолго, пока не пришла самая простая мысль уйти в армию. И сразу все стало на свое место в душе его. С такой сглаженностью чувств и мыслей он зашел в кабинет Гоникина на заседание бюро.

И даже Катя Михеева, прошептавшая ему на ухо, что она все знает и радуется за Павла и за него, Афанасия, не замутила покоя и определенности - в мыслях он уже был далеко от нее и Гонпкина. Он лишь медленно провел ладонью по своей скуле, как бы стирая запах, оставленный прядью ее волос.

Заседание проводил бывший первый секретарь райкома, ныне уже работник обкома Курчаткин, старый партпец крутого нрава. Он вынул из кармана жилета старомодные часы фирмы "Буре", поднес к уху, наполовину скрытому седыми кудрями, потом постучал крепким ногтем по крышке, спрятал часы в карман. Начал с Афанасия Чекмарева, сказал о нем то же самое, что говорил Гоникик:

смыслит в хозяйстве, знает кадры, характер уравновешенный. Только выводы старик сделал неожиданные для Афанасия, и особенно для Гоникина и Михеевой: обком рекомендует секретарем Чекмарева. А товарища Гоникина председателем райисполкома, поскольку нынешний глава Советской власти в районе Антипов не справляется, едва ноги таскает - болен.

- Я промахнулся с Антиповым! - сердито покаялсн старик.

И, убедившись, что никто не возражает против рекомендации обкома, он закрыл заседание бюро. Новому руководству велел приспособить небольшой заводик мелкого литья для ремонта военной техники. На юго-западе идут тяжелые бои. Наши отходят.

Катя зашла к Афанасию и, прямо глядя в лицо его, спросила, лгал ли Павел, сказав ей до заседания бюро, что Чекмарев намеревался рекомендовать Гоникина руководителем райкома.

- Да, был такой разговор.

- Значит, вы, Афанасий Игнатьевич, не сдержали своего слова! непосредственна и решительна была Катя в своем гневе.

- Напрасно шумите, товарищ Михеева, от меня ничего не зависело.

- Нет, вы все знали заранее, но разыграли Павла Павловича, поиздевались...

"Как она задириста, одномерна", - думал Афанасий.

Вспомнилось ему: всегда кого-то убеждала, мобилизовывала, спорила с людьми с удивляющим Афапасня упрямством, очевидно возомнив себя этаким комсомольским совершенством. В

язвительном тоне нравоучений прорывалась раздраженность созревшей невесты.

"Экий отродок в юбке, - думал Афанасий, слушая высокопарную, наивную трескотню Кати Михеевой. - И откуда у нее эта чиновничья святость? Живого места нет, вся в резолюциях".

Не выставляя причин, она отчаянно потребовала отпустить ее из райкома на любую другую работу.

Афанасий не любил, когда играли с ним в прятки.

- Объясни толком: почему решила уйти и какую работу подыскала? - сказал он. - Может быть, настроение испортилось?

Михеева заплакала.

- Ну, ну, что за беда? - жалостно сказал Афанасий.

- А ты разве не видишь?

Быстро провернул в памяти жизнь Михеевой, сокрушенно признался:

- Извини, не вижу, не понимаю, Катя. О чем ты?

С презрением к себе сказала, что неловко на комсомольской работе этакой... тетеке, - и развела руками.

И Афанасий, кажется, впервые с веселинкой удивился редкому сочетанию наивного девичьего лица и развитых сильных бедер и груди Кати. Внезапное открытие это смутило его до радостной растерянности. Плутая взглядом вокруг Кати, непривычно косноязычия:

- Наоборот, Катерина, это самое... авторитетнее... погодить надо...

- Да ты что, смеешься?

- Ладно, лето поработай, а там подумаем, - сказал он. - Не унывай, у тебя все впереди. У Павла Павловича - тоже все впереди.

- Отпустите меня на фронт.

- Подумаем. А куда племянников?

"Ну и яблоко... когда вызрела? Но меня на испуг не возьмешь этим чудом природы! Буду глядеть на тебя попрежнему, как будто ничего не произошло", - решительно зарекался Афанасий. Но не замечать тревожной зрелости Кати покуда не удавалось: открытие совершилось, и к прежним представлениям о Михеевой вернуться не мог Афанасий.

4

У каждой женщины есть своя добродетель, ею она гордится, в ней находит опору. И чем менее уверена женщина в своей женственности, тем неуязвимее ее добродетель, щитом прикрывающая ее от житейских невзгод. У Кати Михеевой такой добродетелью было ее девичество и любовь к детям своего брата

Василия.

Вернувшись с работы, купала в корыте маленьких сыновей брата. Племянники называли ее мамой, а свою родную - Валей. Валя эта работала геологом по разведке газа, надолго отлучалась из дома. Сорокапятплетнего брата, шофера порта, по весне взяли в армию вместе с грузовой машиной во вновь комплектующуюся воинскую часть за Волгой. Навестив один раз детей, он с грустной радостью намекнул сестре, что свое она упустила: не вышла замуж до войны, а теперь, видно, суждено ей жить при нем до той поры, когда разборчивость возьмет верх над всеми иными чувствами. Молодые воюют, а для забронированных умельцев-парней она слишком бабнста. За вдовца же резон ли выходить? Ему казалось, что посторонние вряд ли оценят ее душу, ум, проявляющийся при чужих поверхностно, задиристо, одномерно.

"Зачем нанимать какую-нибудь старушонку-бобылку, когда есть своя родная сестра, сильная, работящая. И ей с нами веселее" - так, казалось Кате, думал брат.

Порывистая нежность к детям вошла в привычку Кати как и самоутешение, будто люди уважают ее за "порядочное поведение", а заживи она, как живут все женщины, и люди охладеют к ней. Этого она не перенесла бы.

Между тем тоска по неизведанному материнству была временами сильна до сновидений: Катя видела себя во сне кормящей своего ребенка нежно, с ноющей отрадой в груди.

Но жизнь ее шла no-прежнему затаенно-горько, хотя одиночество воспринималось ею за образец чистоты и даже счастья.

Прошлым летом, в канун войны, искупавшись, задрэмала за кустами на песке и вдруг почувствовала за спиной тень. Села, моргая длинными ресницами.

Молодой, в трусах, загорелый мужчина перекрестил свой высокий лоб с налипшими белыми волосами.

- Ну и красота! - раздумчиво сказал он.

Катя вскочила, осыпая песок со своих бедер.

- Да вы в уме? Первый раз, что ли, видите девупшу?

Нашли тоже красоту...

- Да что за девушки пошли! Скажешь правду - не верят. - Потоптался на песке, покручивая темные усы.- - Мне уйти? Так я понял. - Басовитый голос был покорным.

Катя улыбнулась полными, зноем схваченными губами, зашла в воду, сомкнув на затылке руки. Легко плавал он вокруг нее, смуглые широкие плечи блестели над водой под солнцем.

Неделю спустя Гоникин стал работать в райкоме, в Катя виделась с ним часто.

Последнее время ее личная жизнь стала казаться на жизнью, а унылой обязанностью. Почерствела сердцем к племянникам...

Ожидая в гости Павла Гоникина, завила волосы, надзла светлое с вырезом платье, оттенявшее здоровый загар лица и статных плеч.

Гоннкин пришел в условленный срок минута в минуту.

Оглядев комнатку, он положил на столик рядом с чаизцком, укрытым сарафанистой куклой-матрешкой, леденцы, сел в кресло и стал стучать каблуком по полу.

Катя сидела напротив, по-бабьи подперла рукой тугую румяную щеку и как-то иносказательно пожаловалась, что трудно жить - не везет. Наградой за безотказную работу было и будет нарекание: слаба воспитательная работа с молодежью. На фронт бы уйти, да пока не берут, обком возражает.

Гоникин взял ее за обе руки.

- Катя, мы не должны ждать похвалы. Партийная и комсомольская работа практически границ не имеет: за все в ответе. Вот я, говоря между нами, даже рад, что в исполком посадили. Посмотрим, как почувствует себя Афоня.

Катя высвободила свои руки, налившиеся жаром.

Гоникин набил трубку. Сумерки стушевали сухие черты его лица, помолодив и смягчив.

Катя говорила тихо; до войны думала - а вдруг да и пройдет молодость вот так: днем работа в райкоме, вечером ухаживай за племянниками. А как теперь жить - гадать трудно.

- Катюша, милая девочка, прекрасная душа...

- Какая там прекрасная?! Эгоистка я. Жаловалась на племяшей, а ведь люблю их. И как онп вознаграждают меня радостью за мою заботу! Павел Павлович: прости мне мою слабость...

- Да что ты?! - Гонпкин порывисто встал. - Тебе нужна своя семья, забота о самом близком тебе человеке. - Он зашагал было по комнате, но комната была мала, и он остановился перед Катей, скрестив на груди руки. Я не понимаю Афанасия, - продолжал он, воодушевляясь. - Не понимаю, хоть убей: жпть рядом с такой дивчиной и не...

- Не надо! - почти в голос крикнула Катя. - Павел Павлович, ты не знаешь этого странного человека.

- Да какая же он загадка? Упрощенная психика - не больше.

- Не знаю, может, и таков. Но с ним неловко, если не сказать, тяжело с ним.

- Да? Извини, Катя, а со мной?

- Ты же видишь, с тобой я откровенна без усилия над собой...

- Спасибо...

В коридоре - грузные шаги, кто-то тяжело и нетерпеливо надавил на дверь.

Катя повернула ключ (закрывалась от племянников), и дверь отошла. В зазор просочился электрический свет, рассек комнату надвое. Катя задернула окно черной шторой, включила настольную лампу.

Гонпкин отступил к книжной полочке, надвинул на брови фуражку военного образца.

На пороге, засучпв рукава гимнастерки выше локтей, в армейских брюках и сапогах, стоял солдат лет за сорок с устрашающими мускулами рук и шеи.

- Братка Вася! - Катя плавным движением обняла его. - Познакомьтесь это Павел Павлович, председатель райисполкома.

По-бычьи угнув стриженую голову, Василий дерзко взглянул на Гоникина, едва кивнув на его поклон.

- Сестренка, я всего на часик... Дети спят?

- Спят. Да что так торопишься?

- Спешим туда! Приедет Валька, передай ей мой поклон...

- Ну а как там-то, куда спешите? - спросил Гоникин.

- Не видал, не знаю, - не вдруг отозвался Василий, Гоникин простился и вышел.

- Он что, насчет ремонта дома? - Василий сощурился на дверь, за которой только что скрылся Гоникин.

- Да... нет, то есть так просто зашел.

- За так-то как бы не осерчала Федора, жена его...

или, кажется, развелся.

Брат не захотел будить сыновей, постоял у кровати над спящими, провел пальцами по головам.

Катя обняла брата, как давно - с детства - не обнимала, умоляя его быть осторожным. Лицо ее слиняло, скорбь углубила глаза, загасив блескучесть.

- Несправедлив был я к тебе, сестренка... Спасибо за детей...

- Нет, нет, я просто себялюбка. - Поправляя воротник гимнастерки на его шее, Катя просила его писать жене почаще. - Ей будет тяжело, Вася.

Не от слов ее и даже не от того, что уезжает на фронт, вдруг стало ему тяжко.

- Катюша, не забывай ребятишек... если выйдешь...

- О, господи, да как же я брошу их?! Ведь ты идешь на святое дело...

Василий поморщился, но тут же, надев на голову "пирожок", улыбнулся.

Проводив брата, Катя долго стояла у расшторенного окна, не включая света. Медленно угасало стальное небо, тускло желтели

вклепанные в него звезды.

Катя уткнулась лицом в занавеску. Плакала о брате, над своей молодостью, над тем, что нет ни желания, ни сил жить по-прежнему. Как будет жить дальше, она не знала, но и старая жизнь уходила от нее навсегда.

"Нет, нет, я просто сбеснлась... В них моя жизнь", - глядя на племянников, думала она сквозь слезы внезапно открывшегося ей смысла ее жизни. Несколько дней Катя поводила племянников в детский сад, пока не приехала сноха Валя.

Прежде Валя, вернувшись из экспедиции, рынком распахивала дверь, всполошенно выкрикивая: с А где он?" - и в голосе ее, в глазах - тревожное недоумение, что жизнь совместная все еще не распалась. За время отлучки она так дичала в окружении мужиков, так отвыкала от угла родного, что долго ходила по комнатам, принюхиваясь, как кошка в чужом доме, пока не находила что-то свое в вещах, и в детях, и в муже. Теперь она вошла на цыпочках, осторожно повесила планшет.

- Не могли вызвать меня, - сказала Валя, и в тоне, и словах ее был еще один упрек Кате: уж она-то могла бы схлопотать, перевести Василия в экспедицию.

Кроме горя, ничего не видела Катя в ее сетовании - брат сам прежде заговаривал с женой со снисходительной угрозой: мол, вот, попрошусь в экспедицию. Но Валя находила это неудобным.

6

Афанасий думал, что батя шутя поощряет себя на жениховские подвиги, молодит ножницами усы, расческой распутывает хохолок над крутым лбом. Недостающий передний зуб пополнил таким же белым, как все свои природные, и перестал пришепетывать. Батя еще туже подобрался, глазами стал поигрывать - то исподлобья блеснет искрой, то искоса обрежет, и зрачки, как-то хворо расширившиеся после смерти матери, теперь сузились до булавочной головки, затаив в себе зоркость и силу. И Афанасий радовался возрождению отца. Только все реже стали они встречаться.

Начали рыть оборонительные обводы за поселком в степи недалеко от хутора в пять дворов.

В связи с прорывом немцев к Дону и явно наметившимся наступлением на Волгу все поселковые мужчины неслуживых возрастов были сведены в истребительную дружину народного ополчения. Игнат с новобранческой прытью устремлялся после работы в свою ополченскую роту. Бывало, забегал к Афанасию в райком партии доложиться, куда и по какому делу идет, дома будет в такое-то время, еда стоит в погребе. Всегда был под руками. А тут совсем засолдатился, запропастился на целую

неделю.

Да и сам Афанасий все чаще ночевал в райкоме, в своем кабинете на диване, потому что с фронта шли все более тревожные сообщения: немцы вышли к излучине Дона.

Забежал он к себе домой: двери в сенцы торопливо обшизал паутиной проворный паучок, похлебка на кухне кисло пузырилась, кошка с голодухи начала есть ржавую воблу.

От командира ополченской дружины узнал, что Игнат Артемьевич на казарменном положении - днем работает, ночью стопт в степном хуторе за поселком.

Быстро, по законам военного времени, сдружились ополченцы с жителями, помогали сенокоспть, ловили рыбу - пруд от зноя обмелел, караси прорезали гребешками поверхность мутной воды в зеленой чешуйчатой ряске.

Нередко видел Игнат возвращавшихся на телеге из поля ополченца с женщиной - туда ехали, она правила конем, а он сидел в задке с ружьем, а домой - вожжи уже в его руках, и женщина, приспустив платок на глаза, чему-то рассеянно улыбалась, держала в зубах былку.

Игнат Чекмарев попросился на постой к первопопавшейся хозяйке, но та будто с цепи сорвалась, насыпалась на него:

- Испужался, вояка? Я тебя чё? Под подол спрячу с г немца? Немец заявится и сразу в это убежище заглянет.

Глазами геройски моргаешь, а?

- Цыц, меделянская сучка!

- Ах, ты еще обижать!

И тут Игнат услыхал голос за низкой стеной, размежевавшей усадьбы:

- Опять ты, Полька, с похмелья, идол! Пошто ругаешь ополченца? - Голос смиренный, молодой.

- А за какие заслуги жалеть его? Стыдить их надо, чтоб храбрость появилась. Диви бы дело, был жидковат, молоденький, а то вона какой - сваи заколачивать. С такой фигурой мог бы пропереть до Берлина, а ты тута искус на баб пущаешь. Гренадер усатый!

Игнат измаялся, не подымал глаз, как к степному мимолетному ветру прислушивался к речам женщин.

- Да как же у тебя, Полька, язык поворачивается на ругань? Мужики маются. Не слушай ее, идем ко мне, служивый.

- Да ты, Варька, проморгайся, увидь жаль-то свою, поместится ли в хате атаман-то?

И когда Игнат, вскинув ружье за плечо, шагнул к лазейке, Полька преградила ему дорогу:

- У тебя что, не все дома? - покрутила пальцем у своего виска.

- Бабью душу не знаешь? Обидчив больно.

Ты бы на немца серчал, а нас жалеть надо.

"Война измаяла", - виноватой едкой жалостью пожалел ее Игнат, но не остался - слишком отчаянно-пропащие глаза у женщпны да бражный запах.

Во дворе пригласившей его Вари седой ополченец со шпалопропиточного завода, засучив штаны, мял глину, хозяйка поливала водой, потом сама, подоткнув юбку, залезла в круг, сверкая белыми икрами ног.

Была она рослая, смуглая, с черным платком на голове крутого и гордого постава.

- На Польку Новикову не гневайся. Только злые дураки говорят, будто она уже не женщина, а бутылка изпод пива, - сказала Варя. - Судить Польку грех - муж и сын сложили головы. Горем надорвалась.

- Догадался: бедой мечена... Однако лечение одно у нашего брата работа, - рассудительно сказал Игнат.

- Да какую же еще ей работу, если Полька кочегарит на электростанции.

- Ну, ну, не знал я. Хотя, видно, крепко сбита.

- - Аль успел пощупать? - вмешался седой ополченеп, вытаскивая ноги из глины. - Намагниченные у тебя, Игнат, руки - так и тянутся к бабам...

Игнат сложил амуницию в сенях, засучил штаны и полез мять глпну. "Трудно угнаться за такой длинноногой", - подумал он.

Поля Новикова заглянула через дувал во двор Вари.

- Варька, погоняй швпдче коней... Ха-ха-ха!

Помогал Игнат обмазывать глухую стену избы, от ужина отказался, уснул в сенях. Утром вышел во двор к колодцу умыться. Вся намятая вчера глина размазана по стенам избы. Седой ополченец нанянчился за ночь с глиной, выпил вишневки и, закусив сырыми яйцами, спал на лавке головой к божнице, храпел натужно, как спят мужики после страды, в дождь. Варя пекла блины.

- Не дождался блинов? - сказал Игнат. - А я думал, вы ночью-то соловушек слушали.

- Какие там соловьи? Только на глину и хватило сердешного... И как при такой слабости думаете побеждать?

- Одолеют наши сыновья, а мы, старики, так, вроде для поддержки штаиов тут, с тыла - так, бывалыча, говаривали в первую мировую войну, балагурил Игнат, ловя взглядом каждый жест Вари.

Было жарко, как в полдень. Хозяйка, смуглая, с тенями под глазами, принесла на столик под вишнями блинчики и бутылку

самодельной вишневой настойки прошлогоднего урожая.

Выпила с ним, концом платка вытерла полные, розовым букетиком губы. Рот маленький и сочный.

Начал Игнат рассказывать о своем горе: жена умерла, сына Виктора убили...

- Не знай, живу я. не знак, просто существую. А тут, девка, война камнем придавила... Варя, вспомни что-нибудь веселое в своей жизни, а?

- Вот все вспоминаешь ты, воин. И мне велишь вспоминать. У нас с тобой одни заупокойные думы пойдут.

Мужа до войны степь взяла. Застрял зимой в метель на грузовике, камера спустила. Домкрат свалился, колесомто руку придавило... Мерзлого нашли под снегом...

- Дети где же?

- Не было... И гляди ты, здоровая, и он хоть куда, а не было...

Спокойная красота загорелого заветренного лица ее волновала Игната.

- Да, молодая ты, тугая, - качнул он головой.

- Сорок лет - бабий век, а мне сорок с гаком. Может, не рожала, оттого и тугая вся.

- Пощупать можно?

- А зачем зря-то? Я не вру, одной скучно, но ты неровня. Сколько?

- Седьмой распечатал. Верно, неровня.

Пристально осмотрела всего с головы до рук.

- Кончится война, приезжай к нам жениться. У нас бабы отборные, что с лица, что стать. И девки замуж выходят за людей не абы каких. Хороший человек холостым от нас не уезжает. А уедет - всю жизнь будет тосковать.

Что же, возьми, если сумеешь. Пошутила я, конечно.

- А если всерьез?

- Война кончится, там видно будет. Что делать умеешь?

- Да все. Железную лодку сам сварил. За долгую-то жизнь на Волге чему только не научишься. А главное - грузчик: и по-старому, на спине то есть, и по-новому - механизмы.

- То-то, я вижу, мускулы-то гак и рвут гимнастерку.

- Это так, от природы... Вот забьем зверя, вернусь к тебе... А?..

- Далеко вам, сердешные, до логова зверя.

- Ну, как же, а? Встретимся нынче ночью, а? - Игнат положил руку на ее колено. - Домой тогда не пойду...

в мазанке у тебя заночую, а?

Варя, не шевелясь, присмирев под теплой тяжестью его руки, долго смотрела на его крупные пальцы, потом сбросила руку.

В мазанке он ждал ее до потемок, не заметил, как уснул.

Проснулся от прохлады. Тонко ныло ведро от тугих струй молока - хозяйка доила корову. Он вышел, потянулся.

- Обманщица.

- А что на одну ночь-то сходиться. Испей парного молока.

- Потом... Иди, скажу что-то, - говорил Игнат, таща ее за руку в мазанку.

Она поворачивала гордую на высокой шее голову, переступала, как спутанная.

6

Афанасий повстречал отца на строительстве оборонительного рва между поселком Одолень и хутором. Все дружинники после работы в порту, на заводе и в учреждениях, мужчины и женщины углубляли начатый еще прошлым летом примыкавший к оврагу ров. С непривычным замешательством Игнат заговорил с Афанасием:

- Может, поглядишь будущую мачеху, Афоньша? Тут она, землю кидает. - И, смущенный молчанием сына, он виновато продолжал, опершись на лопату: - Не шибко умная, зато вроде серьезная... Да разве такую, как наша покойная Марья, найдешь? - Отец, скользя по черенку сжатыми пальцами, подгибая ноги, сел на землю. - Нету таких... А я, стервец старый, вспоминаю ее светлую, а сам в постелю бабу заманиваю. - Он прижался лбом к черепку, заплакал.

Работаршие неподалеку бабы хоть и не слышали слов Игната, но, видя его горестно сугорбившегося, сочувственно вздохнули: многие ныне, получив горькое известие с фронта, вот так же сникали, как подрезанные.

У Афанасия замутило под ложечкой. Обнял он мускулистую, извилюженную морщинами шею отца.

- Ну, хватит в щелоках-то варить себя. Глплашь, женщина ничего.

- Одинокая. Это ты понудил меня жениться на старости лет. Если не против ты, заманю се в дом.

Высокая, прогонистая, с умными тяжелыми глазами мачеха показалась Афанасию женщиной с характером, и уже этим одним примирила его с женитьбой отца. Оа даже засмеялся тихим снисходительным смехом, когда привела корову во двор.

Отец только что вернулся из ночной смепы на литейном заводике - военная нужда обучила его ремеслу электросварщика, и оп вместе со своими товарищами занимался лечением покалеченной военной техники. Взглянул на буренку, на сына, покачал голевой.

- Вы, Афанасий Игнатьевич, не корите уж нас...

Жить-то надо? - говорила Варя смущенно и вызывающе.

- Живите и радуйтесь, Варвара Федоровна. И ты, батя.

- Эх, Афон ты, Афон, весь в покойную матушку, будь ей земля пухом. Уж такая многоэтажная была... только я и умел разбираться в ней, да и то не до конца. Временами вроде до дна видел душу, однако глядь - опять глубь.

А уж сад-то любила... сядет под яблоней, глаз не отводит от цвета, вся уйдет в забытье... Ты, Варя, не ревнуй.

- Да что ты, бог с тобой! Я во сне голос ее слышала:

шалей, говорит, Ишата, он хоть большой, а дитё.

- Она жалостливая, могла явиться к тебе во сне.

А может, отголоски ее голоса, эхо то есть. Говорят, эхо не помирает. Я ведь на заре как-то слышал будто ее голос за вишнями... Варя, подогрей самоваришко, гости придут.

Варя ушла на кухню.

- Хочу я, Афоня, протереть тебе и Гоникину глаза и в стыд вас вогнать. Насчет Кольки Рябинина, - сказал отец, ставя на стол банку со своей махоркой.

Николай Рябинип на фронте потерял глаз и после госпиталя вернулся в поселок Одолень. На завод, где он работал до армии, его не приняли, и оп стал кочегарить на электростанции, начал пить и ожесточаться.

Хотя Игнат не занимал никаких руководящих постов, а был всю жизнь рабочим, Афапасий не сомневался в законности того, что батя вмешивается в дела наиболее запутанные. И если он уцепится за что-либо, словами от него не отговоришься. Может, потому был такой самоуверенный, что в гражданскую войну служил в прославленном полку Чугуева, где главное ядро составляли рабочие. На демонстрациях шел Игнат знаменосцем в рабочей колонне. У него был свой персональный широкий пояс с гнездом для древка знамени. И пока пе думал расставаться с этим поясом.

- А ты знаешь, Игнат Артемьевич, что Рябипин был в штрафной роте?

- Знаю, Афанасий Игнатьевич. А сколько же ему нужно расплачиваться?

Как только пришел Рябпнин, Варя поставила самовар на стол. Игнат указал ей глазами на дверь, и она догадливо ушла.

Правый глаз Рябинина был закрыт черным кожаным кружком на тесемках. И хоть Рябинин был в застиранных армейских брюках, сандалиях, в черной косоворотке, но так все на нем было подогнано, так был подпоясан брезентовым поясом, так четки и целесообразны были его жесты, что Афанасий подумал о нем: военный человек. Но заметки эти были пока лишь наметками, хотя и очень важными для Афанасия. И оп, наблюдая за

Рябипиным, деталь за деталью лепил в своем сознании его характер. В беседу отца с гостем он не вмешивался, спокойно и доброжелательно глядя на них широко открытыми глазами.

- Колька, ты рабочий, тебе помогу, - говорил Игнат, - но ты сам должен понимать - мне, рядовому работяю, трудно пособлять бывшему технику, бывшему вояке.

Глаз с тебя не спускают. Знаешь? В сторонке живешь?

Напрасно. Труднее наблюдать за тобой, злиться будут.

- Мне что же, перед ними нагишом стоять? - Голос Рябинина был низок, но ясен.

Нагловатым храпом захлебнулся чей-то мотоцикл у калитки. Пружиня на носках, к веранде подошел в военной форме без знаков различия Гоникип. Свежестью и уверенностью дышало смуглое суховатое лицо его, пока пе увидал он Рябинпна. С Чекмаревыми поздоровался за руку, Рябинину же лишь кивнул, да и то пе понять, ему ли кивал или, снимая туго сидевшую фуражку, мотнул головой.

- Варвара, занимайся своим делом! - цыкнул Игнат на жену, которая, приоткрыв двери, выглядывала из кухни. - Посиди, сейчас государственные дела обсудим.

Едва Гоникин овлажнил в чаю губы, щекоча стакал усами, как Игнат, сощурившись, спросил его:

- Ну, что у тебя против Николая? Мы тут все своп, разберемся.

Павел учился вместе с Рябининым в техникуме, называл его академкулаком - весь в книгах да чертежах, далек от общественной работы. Один из тех, кому надобно разъяснять цель и смысл их жизни. Иначе протопают стихийно до могилки, так и не поняв, кто они и для каких целей родились. Павел гордился, как боевой заслугой, тем, что ушел на комсомольскую работу, закончив последний курс экстерном, в то время как Николай Рябинин высидел до последнего дня, потом поступил на литейный заводик.

Во власти Гоникина было забронировать техника Рябинина в первые дни войны, по он не сделал этого из опасения, что тот откажется. Да и не стоила овчинка выделки, бронируют тех, без кого Родина не может обойтись и в дни войны, и в дни мира. И потому, что, вернувшись с фронта по ранению, Рябинин не зашел к Гоникипу, а попытался сам поступить на прежнюю работу, Павел догадался, что война ничему не научила его. На всякий случай Гоникин предупредил руководство завода насчет бдительности. И когда Рябинину отказали, он изматерил начальство и ушел кочегарить на электростанцию. Гоникин не спускал глаз с Рябинина.

- Выкладывай, Павел, - велел Асрапасий.

- Я привык резать правду в глаза, - сказал Гопикин.

Криво и горестно усмехаясь, как бы уморившись удивляться человеческой глупости, он монотонно припоминал Рябингшу: позволял себе делать декларации о войне с таким размахом, будто по меньшей мере он верховный.

- Тоже мне мудрец волостного масштаба! - уже с горячностью лично оскорбленного сказал Гоникин.

Сам он с семнадцати лет на руководящей работе, бывал близок к руководству высокого уровня, знал многое о людях, обычно скрываемое ими, по никогда пе позволял себе сулить о положении дел в целом. А этот Рябинин рассуждает о каких-то промахах командования, ищет виноватых:

почему бои идут в излучине Дона и немцы рвутся к Волге?

- Ну и что, что рвутся? Все по плану идет. Если бы даже были промахи у пас, то может ли трепаться о них человек... если он не дерьмо собачье? - с холодным гпевом закончил Гоникин.

Он неотрывно глядел на черную повязку на глазу Рябинина, из-под которой сочились слезы. Как-то в детстве он глядел-глядел на чирей на скуле сестры, мучимый состраданием и отвращением, и вдруг ударил кулаком со всей силой. Обнимал сестру, плакал вместе с нею, терзаясь ее болью. И сейчас он подавлял острое болезненное желание приподнять черный кружок на тесемках: что там?

Гоникину полегчало в груди от внезапной догадки: не ранением ли в голову объясняется горькая странность Рябинпна? Догадка эта была одновременно грустная и примиряюще-спасительная: жалко было человека, и в то же время контузия уводила от бесповоротной моральной гибели. Уж лучше патологическая, чем идейная причина утрлты личности.

- Николай, а голова не очень болит? Все ли ты помнишь, что говоришь? ласково намекал -Гоникип на открытые им пути примирения, - Все помню: ни одной гениальной мысли не пришло в голову.

- А ты согласен с тем, что отступник преступнее врага: оп познал правду и все же от нее отрекся. Я совсем не тебя имею в виду.

- Зачем же тогда говоришь это мне?

- Я знаю, что и когда говорить мне. За всю мою жизнь я ни минуты не сомневался в правоте нашего дола.

И уж приказ расхлопать труса я выполнил бы...

- Поменьше о себе, Павел, кто ты таков, мы знаем, - сказал Игнат.

- Говорил ведь ты, Рябиыпн, будто случается так, что варвары-реакционеры втаптывают культурные народы,

попридерживают этак лет на сотню развитие? - спросил Гоникин.

- О Риме и германцах? А что? Бывает. Сам ты изучал историю. Вместе когда-то учились.

Гоникин посмотрел на Рябинина непризнающими холодными глазами обманувшегося: да, был человек и пе стало человека. Пока в лице Гоникппа не окончательно затвердела беспощадность под улыбкой притворного сочувствия, Игнат спросил Рябинина:

- Значит, ты все еще не на заводе? - Глаза старика налились пятарно. Не пускает Гоникин?

- Да почему ему на завод? - Гоникин пожал плечами.

- Хочется мужику погреться у печки, - сказал Игнат.

- У кочегарки-то разво холодно? - Гоиикип засмеялся.

- Иди ты, знаешь куда?.. - Игнат начинал рычать. - Ты, Павел, если сам не разбираешься в технике, то расспросил бы мастеров. Они скажут тебе: качественный техник Рябинин, - закончил Игнат.

Рябинин легко встал, выпрямился.

- Разрешите мне пойти на работу? - обратился он к Афанасию.

- Идите. Сегодня я буду у вас на электростанции. - Афанасий прислушивался к удаляющимся солдатским шагам Рябинина.

- Варвара, неси свою безградусную вишневку, - скомандовал Игнат. - Пигь не будешь, Варя? Она у меня святая: не пьет, пе курит! - Игнат похлопал жепу по плочу.

Афанасий улыбался, радуясь концу отцовской смурости: зацепился за жизнь.

- Судьба Николая - горький упрек нам с вами, отчасти конечно, - говорил Игнат. - Как ветошку мазутную протащил по своей биографии. Ну да, честный! Всех нас проверит война, помяните мои слова, ребята... Ты, Павел, не гневайся на меня.

"А батя - характер! Насгыра, властный. Ить, под бокс постригся, щеголяет борцовским затылком, внушительными выпуклостями за ушами. А вид всех давишь.

Безустальный. Отстоял на заводе вахту, потом соснет малость, в дружину пойдет", - думал Афанасий, как бы сторонними глазами глядя на отца.

Из-за молодых прозрачно-зеленых листьев винограда выглянула Катя Михеева. Остановилась у порога, поправляя платье на высокой груди, по-детски моргая карими глазами, сиявшими жарко и весело.

Игнат вскочил, шире распахнул дверь.

- Милости просим чайком побаловаться, - с воскресшей прытью он усадил Катю за стол, веселея по-утреннему, и с сыном и Гоникипым заговорил раскованно, как молодой парень со своей

ровней, очутившийся на девишнике.

- Я люблю Катюшку, и все должны любить ее.

Со смышленостью прозорливицы Варя соединила взглядом чекмареаских мужиков и Гоиикиида с этой налитой здоровым румянцем девкой.

"Чему же я дивлюсь на молодых... тут старика-то впору на цепь сажать... Ох, этот Игнат Чекмарь, все отдаст за бабью красу. И меня он, сатана огромадный, сманил за два вечера", - думала Варя, и запоздалая оторопелость нашла на нее.

Афанасий, застегнув ворот гимнастерки, кажется, одним ухом слушал доклад Михеевой о дежурстве в райкоме, глядя на шевелившиеся листья винограда, обвившего террасу. Лицо его было задумчиво-отрешенным.

- Спасибочко за чай, тетя Варя, а вам, дядя Игнат, за слова добрые, ласково, нараспев сказала Катя.

Прерывистый звук мотора посыпался в уши - уж не самозавелся ли гоникинский мотоцикл, вонявший бензином у калитки под вишней?

Но моторный рык был чужой, злой и торжествующий, и когда надсадный гул хлынул на веранду, стекла задребезжали тонко, как ужаленные. Все вышли в сад.

Будто чья-то невидимая рука скользяще метнула из-за лысой горы в озерно-голубое небо самолет с .черными крестами на плоскостях.

У водозаборной колонки, оставив ведра, женщины подняли к небу лица. По песчаному берегу, у косого набега волны голые ребятишки, затенив глаза ладонями, глядели на самолет. У Кати Михеевой сузились зрачки, будто ловчились прянуть на выселенную дичь.

- Далеко залетел, стервец, - тихо сказал Игнат сыну.

- А так ли уж далеко? Вся Волга от верховья до низу в зоне досягаемости неприятельской авиации. - Афанасий оглянулся на мачеху - держась за стояк веранды, она всо еще глядела по-над Волгой, где, уменьшаясь, мельтешил утетавший неприятельский разведчик.

Гоникин выкатил мотоцикл за калитку.

- Садись, Катерина. Поехали на ветку.

- Вот еще! Не сяду.

- Подури у меня, комсомолка строптивая.

Катя, метнув по сторонам взглядом, села позади Гоникипа, крепко обхватила его тонкую талию.

"Эта не выпустит Пашку ялтвьем. - Нежданные мимолетные думы эти с осклизом резанули по сердцу Афанасия. - Да мне-то какое дело до них? Не брат, не сват, не просто родня".

- Эх, нам бы только опрокинуть его, а там союзники накинутся. А пока немец шустрит, они колбасой будут отстреливаться. Закуска, правда, ничего, соленая, - говорил отец.

Афанасий оперся рукой на мосластое, чуть повыше левого, правое плечо отца.

- При ней, - кивнул на Варю, - не хотел тебе говорить, а ты должен знать: немцы наступают крупно. В излучине Дона немца набилось густо, невпроворот. Плюнуть, говорят, некуда... Да, насчет Николая Рябинина есть у меня задумка: командиром истребительного батальона назначить. А твое мнение?

- Коли есть кого истреблять, Николай в самый раз.

Видно, долго придется нам и работать, и служить в ополчении.

- Нелегко, батя, но иначе нельзя.

- Да не о легкой жизни хворает моя душа... Да что толковать-то?!

Афанасий сказал, что ему нужно перебраться на новое местожительство поближе к райкому.

"Может, Варвару не примаешь?" - чуть было не спросил отец.

Афанасий взял чемодан с бельем и книгами, простился с мачехой, потом за воротами обнял отпа, сильно пожал руку. Игнат махал ему кепкой, пока Афанасий поднимался по крутому взвозу, осиротело загорюпился.

- Шел бы отдыхать, - услыхал голос Вари. - После ночной смены качает тебя, как во хмелю.

- Отдохнуть надо. - Игнат, встряхнувшись, весело обжал плечи жены.

Она крутанулась, норовя вырваться.

- Да ты, Гнаша, сдурел?

- А ну их! Жизнь лучше нашего знает.

Игнат закрыл ставни, чтобы в доме загустел тот особенный сумрак, в котором отраднее слышится теплое дыхание жены у самого твоего уха.

7

С юношеских лет Павел Гоникин был уверен, что он подталкивал, волок людей к счастью - они но своей духовной подслеповатости не вдруг замечали, где оно, и он открывал им глаза, четко осознавая свое почти пророческое призвание. Идею принуждения к радостп внушил ему отец, сильный, властный, отчаянно смелый. За счастье людей часто приходится бороться против их же самих, потому что не все хотят проворно жить и быть счастливыми, говорил отец.

Новое люди встречают недоверчиво, идет ли речь о переустройстве общества или личных отношений. Нуждаясь в

новаторах и далеко смотрящих вперед вожаках, поначалу мстят им за беспокойство и лишь потом, прозрев с некоторым опозданием, признают их правоту. Но тут опять все повторяется: большинству хочется обжить завоеванное, а новатора тянет вперед и выше.

Павел всем своим существом чувствовал, что в его отношениях с Катей Михеевой наступил тот момент, когда ласковое принуждение пойдет на радость обоим. Одно препятствие мешало: был женат, развелся, но Кате пока не говорил об этом.

"Я ей объясню: Федора оказалась не по мне, но я ее не виню. Она нашла себе мужа, Корнея Сиротина".

За поселком Гоникин остановил мотоцикл и, удерживая ногой равновесие, повернулся щекой к Кате, подкрутил распушенные ветром усы.

- За скобу держись. Не дыши на затылок... Живой я человек. Могу и влюбиться.

- Так я и поверила!

- Судьба моя такая поганая - не верят. Можешь вздремнуть на моей спине. Потому что я начисто лишен способности чувствовать.

Мотоцикл рванулся, кренясь на повороте. Катя подсунула свои пальцы под армейский пояс Гоникипа, слегка касаясь щекой нагревшейся габардиновой гимнастерки на его присутуленной спине. Глядела на аккуратно подрубленный светлый волос на выпукло-круглой розово-загорелой шее.

Подскочив на выбоине, прильнула к его спине грудью, замирая.

В кустах чернотала у родника Гоникин остановился:

стянутые горячим ветром и жаром изнутри губы ознобил холодной с сольцой водою, отступил под ветлу, закурил.

Катя с колена пригоршнями черпала из родника воду, цедила сквозь плотные зубы. Плутающий в низине ветерок дохнул из-за кустов запахами осоки и мокрого камня, откинул красную косынку, поигрывая темными завитками волос на шее Кати. Она выпрямилась, по пояс зашла в тень ветлы.

- Катя, я хочу, чтобы ты выслушала меня внимательно и серьезно. К сожалению, в молодости я ошибся, неудачно женился.

- Наслышана я немного, Павел Павлович.

- Разошлись по-хорошему, насколько это возможно в такой беде. Есть сын - у Федоры он. Сейчас уш трудно искать виноватого. Всю вину беру на себя.

- Ты, верно, еще любить ее.

- Было что-то - не то привязанность, не то шалость, не то

чувство порядочности удерживали меня. Вот весь я перед тобой со всеми моими грехами. Воля твоя! Прогонишь меня? Посмеешься надо мной? Посочувствуешь? Все принимаю. Думаю о тебе и не могу не думать.

Гопикин отбросил папироску, несмело обнял ее.

Катя вырвалась, прижалась к дереву, закрыла лицо ладонями. На шее дрожала жилка, как у пойманной сайги.

Павел назвал себя самоуверенным наглецом и попросил прощения.

- Не надо так, - сказала Катя, подходя к нему. - Ты же умный человек.

- Человека любят не за ум, а за доброту. Ум расчетлив, а сердце отважно. Вот сейчас умишко мой подсчитывает обиды, выгораживает самолюбие: мол, презирает она.

И я подчиняюсь ему, поступаю мелкотравчато: хочется взять тебя за руки, никому не отдавать, а я тешу свое самолюбие - мол, пусть Катя заносится, пожалеет потом.

- Это от души?

- Я всегда от души...

- Ну, и я сознаюсь... такое накатывает иногда... хочется убежать... Пусть бы меня обманули... Похлопочите перед Чекмаревым: на фронт отпустил бы... неловко мне тут.

- Я сам прошусь на фронт - не отпускают. Афопя-то отпустил бы с радостью, да там, наверху, сказали: сиди не рыпайся.

- Трудно ладить с Чекмаревым?

- Природой мы с ним заданы в разных направлениях.

Полная несовместимость.

- И мне так кажется, Павел Павлович. Похлопочите, а?

- Если вместе пойдем, похлопочу. И я хочу, чтобы меня ранили и я бы умер на твоих глазах... Может, пожалела бы...

- Ты совсем мальчишка, ей-богу.

Эта поездка и разговор у родника сблизили Катю с ПРВЛОМ, и ей было непривычно радостно и тревожно. И казалось, что люди, и особенно Афанасий Чекмарев, заметят происходящие в ее душе изменения.

Остановились недалеко от кочегарки электростанции у товарного вагона обесколесенный, он был яамертво посажен на землю. Жили в нем женщины строители железнодорожной ветки от рокадной дороги к Волге.

Чекмарев - внакидку пиджак - сидел в тени вагона, на шпале, между двумя работницами. Как арбуз среди дынь. Будто всю жизнь сидел вот так, скрестив руки на груди под пиджаком.

- Павел Павлович, стыд-то какой: выехали раньше Чекмарева, а он уж тут. - Катя слезла с мотоцикла, торопливо одергивая

подол юбки. - Что скажем, а?

- А ничего. Афанасию не повезло испить воды из родничка... Одно неловко - Федора тут, вон та, калмыковатая.

Федора - яркая, скуластая, с редкими оспинками молодайка - пристально вглядывалась в лицо Кати.

Поля Новикова молча кивнула головой, указав озорными глазами в подтеках на свободную шпалу: иол, садитесь.

- Что гак глядите, али узнаете? - прихмурившись, спросила Катя Федору.

- Надо родню получше разглядеть. Павел-то, чай, моим мужиком числился.

- Вашим, не моим водь!

Федора обошла взглядом Катю, как ненастоящее что-то.

- Пашка, а я ведь обсмеялась: девка назади мотоцикла - вроде на заборе собачка.

- Она секретарь райкома комсомола, а не девка.

- Все равно в юбке.

- Федорка, не груби... А что касается фронта, то спроси лучше товарища Чекмарова, почему не отпускают меня.

- Неужто силой задерживают?

- Разошлись, так чего же ты, Федорушка, колючки-то растопырила? сказала Поля Новикова. - Садись, девка.

- Да так это я, без зла, Поля, - отмахнулась Федора и, глядя в глаза Кати, сжимая ее руку до хруста, сказала: - Садись, барышня, мы не кусачие, может, испачкаем, пахнет от нас кочегаркой, истопницы мы. Мыла нету, в щелоко кипятим бельишко, - сказала Федора, развешивая белье на веревке меж двух кленов. - А тут еще один ушлый водку выменивает у женщин на мыло. А водка по попешпим временам самим нужна.

- Да кто он такой, этот меняла? - вкрадчиво спросил Гоникин.

- Водка нужна, а приходится на мыло менять, - уклончиво сказала Федора, свертывая цигарку. - Это вот ты, Михеева, ухоженная, яблошная, диколопом пахнет от тебя. - И глаза Федоры стали немилосердными. - Не поймегаь нас, девка. Выпить и закусить у тебя есть, - она соединила взглядом Михееву и Гоникина, - добытчик у тебя сильный.

- Федора, не тренись, расскажи лучше, как работаете, животе, - сказал Гоникин.

Поля Новикова ответила за Федору:

- Жить надо? А жить не с кем, вот и живешь с кем попало.

- Я не пью. И вы не пейте, - растерянно сказала Катя.

- Мужа не теряла? - выпалила Федора, расправляя коренасто и широко плечи. - А у меня трата в мужиках.

Не стоят мужики на дворе... Вот этот бзыкнул из семьи, как

телок со двора, - с презрительной слезой глянула на Гоникина. - А когда студентом был, на руках носил. И тятю с маманей хвалил. Как же, ведь кормили, поили, обстирывали. Тятя в партию его сосватал. А уж я-то ноги его мыла, только что омывки не пила. А теперь дикая и гемная для него. Правда, ушел он совестливо - заместителя подсунул, приятеля своего Корнея Сиротина... А он, Корней-то, возьми да и сгинь на фронте. Пропал - ни писем, пи известия. Знала бы, тебя припугнула бы парткомом, он, парткомто, протоколом заналыгал бы тебя, Павлик, как бычка проходливого. И я не маялась бы солдаткой.

Эти запоздалые упреки покинутой женщины не роняли Гоникина во мнении Кати, они скорее оправдывали его, чем винили. И хоть не по себе было ей, она крепилась.

"Просто они не пара. Он светится, а она - глина необожженная. Явно наговаривает на Павла".

- Я сватаю Федору за Кольку Рябинипа - брезгует:

мол, одноглазый. А что? На фронте потерял глаз, человек смирный и твердый, жалостливый, - говорила Поля Гоипкину.

- Рябинин папику пе разводит? - спросил Гопикин.

- Какую панику? Он, кажется, даже спирт пе разводит. Смурной молчун. Давайте и мы пощекотим стаканчики, а тогда уж я скажу, кто нас обижает.

- Ну что т, пощекотите, Полина Петровна, - сказал молчавший все время Чекмарев.

Поля ветром слетала в кочегарку, принесла кувшин кислушки, лук и печеную картошку с крупной баскунчакской солью.

Из дверей кочегарки вышел Рябинин с узелком, постоял как вкопанный, потом зашагал по тропинке к лесу.

- Позвали бы его. Иль не пара? - сказал Гоникин.

- У него гость... - уклонилась Поля. - Не с того ли света пришел. К Рябинину и такой запросто может заявиться в паше-то время.

- Он как? На головные боли не жалуется? - потихоньку копал Гоникин.

- По ночам в непогоду стонет во сне... спит в боковушке при кочегарке.

Катя настораживалась, посматривала на Чекмарева, по так и не встретилась с ним взглядом. Налил он себе кислушки, кивнул молча всем и еще голубой заовражной дали, выпил и тем же стаканом зачерпнул из ведра воду, отпил глоток и заел луком.

- Мне не надо, - сказала Катя.

- А я тебе не дам, если даже попросишь, - успокоила ее с ласковой твердостью Поля. - Нельзя такую красу самодельной

кислушкой травить. Это нас с Федорой никакая кислота не разъест. - Поля выпила, понюхала лук.

Мимо электростанции по железнодорожной ветке две женщины, упираясь сильными ногами в шпалы, катили вагонетку, груженную кайлами, ломами, лопатами, кувалдами. Поля помахала им платком, а они все оглядывались, белозубо улыбаясь, похохатывая, пока не скрылись в разрезе холма.

- Завидки взяли их - с молодцами бражничаем, - сказала Поля. - Ох, пе работа тяжела. Мужиков нетути.

- Да что вы стыд-то потеряли? - возмутилась Катя Михеева.

- Ну, если тебе стыдно, не выходи из дому: по улицам мужики ходют, опи хоть в штанах и рубахах, а и тамто под одежой все равно голые. Так-то, девка.

- Ты, Федора, матушка, нарисуй-ка обидчика подробнее, - сказал Гоникин вроде запросто, но с чужинкой.

- Глаза у тебя, Павлик, смелые, а есть ли власть, мужичок? - едко отозвалась Федора.

- Хватит, даже с избытком, - страшновато припугнул Гоникин.

- Ну что ж, пойди вон в тот дом за тополями. - Федора толкнула плечом бывшего мужа.

- Испугаюсь, за тебя схвачусь.

- Ты уж лучше схватись за столб дыма - падежное.

Разговор этот Павла с Федорой грубо и решительно

убеждал Катю в непримиримой враждебности бывших супругов. "А ведь жили вместе, сын у них..." - думала опа непривычно раздвоенно. Опять взглянула на Афанасия:

спокойное, сосредоточенное лицо.

- Сходи, Павел Павлович, а я тут пока покалякую, очень уж симпатичные женщины, - сказал Афанасий. - Да и ты, Михеева, иди с ним.

8

Гоникин и Михеева отправились к каменному под черепицей дому за высокими зелеными веретенами пирамидальных тополей.

В доме этом, видать, жили богато и не боялись показать достаток свой. На веревках во дворе сушилась одежда - френч, бриджи, шапка и пальто с воротником серого каракуля, белые бурки, осоюзеиные желтой кожей. Как видно, хозяин копировал в одежде ответственных работников.

- Да, - сказал Гоникпн, толкнул локтем Михееву, подмигивая.

На крыльцо вышел невысокий сухой старик с лохматым волкодавом. Долго смотрел на Катю и Гоникипа изпод шляпы тяжелыми черными глазами.

- Кто и откуда? Зачем пожаловали? - пытал старик молодым голосом.

- Мы с завода. Нам бы выпить и закусить, - запросто бойчился Гоникин.

- Аида.

В кухне хозяин закрыл на ключ дверь в горницу, вынул из печки сковородку с жареными карасями, поставил на стол на каменную плитку, потом принес из сеней поллитра водки.

- Ешьте-пейте, как вас... товарищи или просто приятели, люди добрые. С завода вы, говорите? Наезжали ваши на карпа. Пруды рыбные, - говорил хозяин, выпив рюмку, стоя у раскрытых в сени дверей. - Поллитру, туда-сюда, еще можно найти, оторвать от себя, а больше-то в ветути, отклонял он просьбы Гоникина продать ему ящик водки. - Да и зачем вам ящик-то?

- Вы нас не бойтесь, хозяин, познакомимся поближе, помогаем друг другу, время военное, - ловчил Гопикин.

- Время нелегкое... как вас? Сыновья мои на фронте оба. А тут бахчи полить трудно. Насос собираю по деталям - у кого за водку, у кого за кусок мыла. Помогли бы насос собрать - были бы самыми дорогими гостями.

- Ну а кто из заводских-то помогает? - с простодушным участием и готовностью помочь спросил Гоникип.

- А я не рассказываю. И про вас смолчу. У меня все шито-крыто.

- Ладно. Насос будет, и очень сильный! - Гоникин встал, поправляя ремень на поджаром стане. - Давай показывай свои кладовые. И горницу открой.

- Извольте ваш документик на право обыска.

- Шило мыло, обмены. Что за барахолка?

- Павел, ты сначала расплатись за водку с дядей Харитоном, потом уж приступай к воспитательной работе, - сказал из сеней Афанасий, почесывая за ухом волкодава.

- Присядь, Афоня. Гостей провожу, займемся нашим делом, - сказал Харитон. - И ты, Полька, подожди, - велел он стоявшей за спиной Афанасия Новиковой.

- Это что еще за спектакль? - возмутился Гоникин придушенно, кладя на стол деньги.

- С гостей не беру, тем более с председателя райисполкома.

- Вы знаете его? - спросила Катя.

- Я и тебя знаю, раскрасавица. Лесник должен знать всех. Его не видят, а он из кустов, из-за дерева глядит, примечает. А вы тоже мне: мол, заводские мы. Кого замыслили обхитрить?!

Афанасий, помахивая рукой на себя, выманил их во двор.

- Ну? - спросил он Харитона и, перехватив его косой взгляд на Гоникипа и Катю, сказал, что можно при них дело делать.

Лицо Харитона побледнело, строжая на глазах:

- Товарищ Чекмарев, человек тот у меня в горнице. - Уголки губ его дернулись под усами. - Сам заявился к Поле Новиковой, прошу учесть.

- Да, подтверждаю: сам пришел, сдал оружие. Сначала я ужаснулась, похлебку разлила, весь подол измазюкала. Но тут инженер-истопник Коля Рябинин подоспел.

То-то натолкуются - служили вместе вроде. От лишних глаз укрыл у Харитона.

- Самолет кружил на рассвете... Тогда и спрыгнул.

Гоникин засвистел:

- Ситуация!

- Смотреть овражный лес надо. Может, где еще забились, - говорил Харитон Афанасию. - Я пойду.

- Осторожнее, дядя Харитоп, - предостерег Афанасий, принимая от лесника ключ от горницы.

- А то как же? Чай, леса и овраги свои мне сызмальства. И Митрич хитрый. - Лесник потрепал по холке муругого пса, пошел по отложипе к леску, поднявшему со дна оврага темно-зеленые кроны.

- Надо бы с ним послать... Не верю старику, - услыхала Катя голос Гопикина, сильный и убежденный.

- Ишь ты! - засмеялся Чекмарев. - А может, с пего хватит моего доверия?

- Ну, знаешь...

Катя Михеева вся дрожала, как молодая высляжница.

- Мне можно с лесником? Ну, Афанасий Игнатьевич, разрешите, - говорила она перепадающим голосом.

- Не разрешаю.

В горнице посреди компаты сидели на стульях двое - Рябинип и Корней Сиротин, муж Федоры, бывший красноармеец. На нем был впапашку короткий немецкий китель с нагрудными карманами. Сиротин встал, и китель сполз с плеча. Пристально всмотрелся Сиротин в лицо Кати, потерянно улыбаясь, и тут же отвел глаза. Ноги подогнулись, и он сел.

Но Гоникин вприщурку искрометно взглянул на Рябииина, потом уперся взглядом в темное межбровье Сиротина, резко приказал встать и поднять руки.

- А зачем? Я же сам сдался Полине Новиковой и вот сержанту Рябинину. Сиротин тяжело встал, подымая руки.

- Это еще посмотрим, какой ты ей племянничек и что за отношения у вас с бывшим сержантом Рябинпным.

Хриповатый голос Рябинина со злыми перехватами едва расслышала Катя:

- А это не твоя, Гоникин, печаль детей качать.

Поля Новикова, раскинув руки, выживала из кухни набежавших женщин.

- Позовем, когда понадобитесь.

Распахнув фланелевую куртку на широкой груди, Федора наступала на свою напарницу - истопницу Полю.

- Жалостливая нашлась! - выкрикнула она, и темные, в редких оспинках скулы засевались пшенинками пота. - Моего Корнея небось там, в Германии, не так принимали бы, попадись он к ним. Повезут когда-нибудь в клетке звериной самого Хптлера, я звездану его по гляделкам. Сатана проваленный! - Федора, чувствуя на себе взгляды женщин, все больше воспламенялась собственной боевитостью. - А ну, дай мне, Полька, ружье, я доразу карачун наведу ему!

- Ишь ты, с пылом-жаром да с тратором взялась.

Пусть власти разбираются. Наше дело закончилось... Милая моя, не надо торопиться, наше горе не за горами, - говорила Поля, отстраняя Федору. Лицо ее старело на глазах.

- Охота немца поглядеть...

- Да какой же он немец? Говор у него усть-чердымский, - сказала Поля, стражем стоя у дверей горницы.

- Я-то думала, немец! - слышался голос Федоры среди женщин. Оказывается, пока что пленных-то германцев видят наши генералы...

Поля погрозила ей пальцем, тесня ее из дверей. Но Федора пригнулась, как перепел во ржи, проскочила под ее рукой, налетела грудью на Катю. Глаза се тревожно заблестели, немо задрожали в судороге губы, когда встретилась взглядом со своим Корнеем.

- Нету его вины... Не губите!

Сорвала с себя куртку, стала просить Гоникпна передать Корнею, чтобы переоделся.

- Ему не нравится наша одежда, - Гоиикин засмеялся, отстраняя руку Федоры. - Полюбилась фашистская шкура, так пусть в ней и подыхает.

- Поля, на куртку, дай ему.

- Ты, Федора, чистая дура, ну, мундир заменить, а совесть как перелицуешь? - сказала Поля, однако фланелевую куртку взяла и кинула Сиротину.

- Смирный он... нету его вины... Павел, товарищ Гоникин... Господи! Помоги мне, господи! - Федора согнулась, головой пробила дорогу среди женщин, во дворе упала на сланцевый галак, забилась, задыптливо рыдая.

- Федора, не бейся как припадогапая! Не надо, - уговаривала ее Поля.

Бывший красноармеец, муж Федоры Корней Сиротин курил, стеклянно глядя сквозь дым на усы Гоникина: его он боялся, тогда как сидевший у порога Афанасий Чекмарев чем-то даже нравился ему, может быть, спокойным, обыденно-озабоченным лицом, большими, на коленях лежащими руками. И глядя на эти руки, Сиротин спокойно рассказывал:

- Нас было мало, а немцев - полный лес. Куда же деваться? - Он взглянул на Гоникина, и пальцы его забегали по пуговицам фланельки. - Не один я попался в плен...

- У вас нет пленных, есть предатели Родины. И ты подтвердил это - надел форму вражеской армии и прыгнул с парашютом в тылу РОДЕНЫ, - сказал Гоникпн.

- Грозили перебить всех до одного.

Гопикин наотмашку ударил Сиротина по лицу.

- Ты, сволочь, не равняй себя со мной! Ты и его воя сравнишь, гад! кивнул на Чекмарева.

Афанасий подпер подбородок рукой, широко глядел на Катерину, побелевшую, с горящими глазами.

Вытирая кровь с лица, Сиротин сказал:

- Я не хотел обижать, а так, к слову. Мы с тобой, Павел, из одного родника воду пили - на одной бабе женились. - Сиротип повернулся к Чекмареву. - Выоора не было. Прикинул: спрыгну на свою землю, а там видать будет. Я сам явился в кочегарку. Рябитш подтвердит.

- Непадежная опора твой Рябипин, - сказал Гонпкин.

- Погубил ты себя, - сказала Катя, не владея своими дрожащими губами. Уж лучше бы геройски умереть.

Сиротин усмехнулся.

- Двадцать пять влепят. Если НКВД. А в армии расстреляют.

Чекмарев глядел в его глаза, пока он не потупился.

- А ты осведомлен.

- Знал, чем рисковал... Плен не лучше тюрьмы.., даже хуже смерти немецкий плен...

- Рассказывай, предатель Родины, с каким заданном послан? - велел Гоникин.

Чекмарев предостерегающе поднял руку:

- Расскажет в другом месте.

Сиротин попросил Чекмарева поговорить с ним с глазу на глаз.

- Хотя бы минут пять, а?

- Хорошо, - не сразу сказал Афанасий.

Рябипин и Михеева Катя вышли. Гоникин подвигался на табуретке, сунув правую руку в карман. И когда Афанасий указал ему глазами на дверь, он резко встал, опрокинув табуретку.

- Да, - сказал он. - Да, дела! - И вышел, хлопнув дверью.

Затянувшись дымом папиросы, Сиротин сказал, что в лесу затаились сброшенные вместе с ним с самолета два немца, - Помогу взять их. Только мундир ихний нужно надеть. Прошу верить. Та дивчина права - лучше бы мне погибнуть.

И хотя Чекмарев долго смотрел в его глаза, он не потупился.

- Живыми можете взять?

- Если с Рябининым - возьму. Мы уж думали с ним.

Брать буду я один, но поблизости нужны два-три ловких.

Только не психованные, как Павел Гоникин.

- Ладно. Я буду прикрывать вас. С жепой не хотели бы поговорить? Разумеется, не о пашем деле. Просто успокоить ее.

- Надо бы... Нет, не буду. Сделаем дело, тогда на часик дозвольте... а потом буду отвечать перед судом.

- О суде сейчас забудьте. Ждите моего приказа.

Чекмарев вышел на кухню, закурил. Потом вышел в сени, заглянул в чулан.

Во дворе на скамейке сидели лесник Харитон и Рябинин, выдергивая из ушей волкодава клещуков, раздувшихся от крови до размеров фасолинок.

Афанасий спросил Рябинина, знает ли он о немцах в лесу.

- Знаю. Сиротин рассказывал.

- Идите к нему уточнить план.

Рябинин, блеснув повеселевшим глазом, ушел в дом.

Лесник сказал Афанасию, что они в грибном овраге.

- Не видал, но пес тянул меня туда.

- Гавкал?

- Митрич-то? - усмехнулся Харнтон оскорбительной наивности Чекмарева.

- Он, конечно, не ты же.

- Я-то, может, и тявкнул бы с перенугу, а Митрич валит молча.

Под навесом у штабелей дров сидели на чурбаках Катя и Гоникин, о чем-то возбужденно переговариваясь. Катя встала, Гоникин перекинул ногу на ногу, продолжая протирать платочком пистолет.

- Павел Павлович, и ты, Михеева, идите к работницам, успокойте их, сказал Афанасий. - Скажите Федоре, чтобы не помирала раньте смерти... все, мол, хорошо будет.

- Ладно, ладно, Афанасий Игнатьевич, приказ твой будет исполнен. Только ты, может быть, раскроешь свои козыри? - сказал Гоникин.

- Всему свое время. Действуйте.

- Я пешка?

- Да нет же! Не шуми, мотоциклом не испугай тишину.

Михеева, стесняясь слушать уже не впервой вспыхивающий спор между Гоникиным и Чекмаревым, отступила к калитке. Когда Гоникин прошел мимо нее, усмехаясь в усы, она подступила к Афанасию.

- Вы что-то задумали... Я не расспрашиваю... Но я...

Куда вы, туда и я.

- Отважна, - сказал Чекмарев с неумелой ядовитостью. - Впрочем, женщины в любых обстоятельствах - нитка: куда иголка, туда и нитка... Делай, что велено, товарищ Михеева.

"Ну, такого я не прощу Чекмареву..." - убеждала себя Катя.

Спустя время со двора лесника вышли Чекмарев и сам Харитон.

Катя глядела на шагающего рядом с лесником Чекмарева: спина широкая, мужиковатая, такими же мужиковатыми были поросшая светлым мелким волосом красная шея и широкий затылок. И шел он, как ходят грузчики - не легкой, поигрывающей походкой, а будто впряженный в телегу, чуть клонясь вперед.

Что-то особенное, весело-воинственное было дли нее в том, как постепенно исчезал в ее глазах Чекмарев: в колыхавшейся зелено-бурой траве утонул по пояс, по самый патронташ, постоял секунды, потом утонули плечи, потом трава сомкнулась над головой в черной кепке, и только ствол висевшего за спиной ружья, погружаясь в седой разлив полыни, черно покачивался.

Гоникин завел свой мотоцикл, выхлопная труба сдула пыль до жесткого суглинка, мотоцикл трещал и стрелял.

- Садись, Катя, поедем! - звал Гопикип, лицо его исказилось от напряжения.

- Да куда же вы, Павел Павлович? Надо погодить!

- За теми еду я, кому положено заниматься шпионами... и их укрывателями. - Гоникин надвинул фуражку на брови, ловко кренясь на повороте, врезался по проселку в ДОС.

"И зачем он этой дорогой? - беспокойно подумала Катя. - Наверно, Чекмарев так велел... О, батюшки, он же не велел ему греметь мотоциклом".

Из лесного оврага в перебивку мотоциклетному треску грохнули два выстрела. Потом еще разной силы выстрелы - очевидно, ружейные. Над лесом закружил коршун.

Катя металась то к дому лесника, то к лесу, то к одной кучке женщин, то к другой, не зная, что ей делать.

- Чего потеряла, девка? - снросила работница, насыпая в тачку сланец.

- А чего мне терять?

- Али уже потеряна?

- Да стреляют что-то в лесу.

- Хаоитон каждый день нукает из ружья. Или новобранцы набивают руку.

- Да ведь наши в лес пошли, - сказала Катя, досадуя на несообразительность женщины. - Вот слышите, опять палят.

- Чего же не побежала за ними, коли стрелять любишь... али глазами только?

Работницы лишь на минуту поднимали головы, когда слышалась стрельба, потом снова насыпали сланец в тачки, везли к топке. Дежуривший у котлов старичок выглянул на солнце, раскурил трубку и опять скрылся в здании электростанции.

Катя вбежала следом за ним. Но он, как мышь, пропал где-то среди котлов и труб. Она отдышалась и вышла на волю.

По широкому двору меж бараков, огибая кутя сланца, шли два пленных парашютиста под конвоем женщин, вооруженных кирками и лопатами-шахтерками. Руки пленных были связаны за спиной. Истопница Поля дулом мелкокалиберной винтовки толкала пленных в лопатки. Один из них хромал на левую подвывихпутую ногу, без ботинка, в одном носке.

- Гляди-ка, сколько карманов на куртках и брюках!

И все на "молниях", - говорили женщины.

- Много денег надо для такого искарма пен него одеяния.

- Эх, дураки молодые, о чем думали, прыгали когда?

Сидели бы дома.

- Поговори с ними, как раз поймут тебя. Мол, пролетариат всех стран, соединяйся против Гитлера.

- Они все понимают, - загадочно сказала Поля, в упор глядя в глаза Кати. - Все понимают на свой манер.

- А снаружи-то мужики и мужики, только форма чужая.

- Попадись этим мужикам, живо оторвут голову, как куренку.

Пленных замкнули в каменной кладовке с редко зарешеченным железными прутьями окном. Поля оторвала рукав от своего старого ватника, протолкнула в окно.

- Ногу перевяжи, захватчик разнесчастный. Ты нам нужен здоровый.

Чекмарев и Рябинип вели под руки Корнея Сиротина.

Ноги его подкашивались, чертили носками по земле. Он опустился на колени, и его начало рвать кровью.

Увидав мужа, Федора сунула в руки Кати лопату. На побелевшем лице ее все застыло.

- В холодок, под клен... на вольный дух, - говорила она тихо.

- Давай рушники, - сказал Афанасий.

Федора сняла с себя кофту, обнажив тугую белизну плеч и груди. Она сидела перед Корпеем, вытирала косынкой сочившуюся по углам его рта кровь.

- Коршоша... живи, родной... сынок у нас...

Корней попросил хололной волы. Но когда принесли ключевой воды, он уже ничего не понимал. Жена окропила лицо его. Он что-то хотел сказать, но изо рта запузырилось красно, и

Корней, перевалив голову на ватнике, тяжело вгддохпул.

Федора накрыла рушником его успокоившиеся лицо.

Мужчины сняли кепки, женщины склонили головы, некоторые перекрестились.

Катя робко коснулась руки Афанасия:

- Павел... где?

Не поднимая головы, Афанасий сказал:

- Помоги Харитону довести Гоникина...

- Жив?!

- Свалился вместе с мотоциклом, руку, кажется, вывихнул.

Катя заплакала.

- Балда он, - сказал Афанасий, - не затрещал бы своим мотоциклом, Сиротин был бы жив.

9

После полета над поселком неприятельских самолетов Игнат Чекмарев притих и призадумался: в таинственноновом и важном значении предстали пред ним Волга с вогнутым крутым берегом, оврагами и холмами и сам поселок, и он дивился своей прежней недогадливости о том, что судьба отметила эту землю тайным знаком исторической избранности.

Углубляя память, припоминал гражданскую войну, и получалось так, что едва ли не самые тяжкие и блистательные сражения были на этой земле. Местный краевед высветлил вековую даль до времен битв со степью. Каждый подвыпивший пожилой житель Одолени считал себя бойцом знаменитого, времен гражданской войны Чугуева, а так как несколько дней тек по оврагу спирт из покалеченных бомбой баков, то чугуевцев набиралось поболее дивизии.

Слова "стратегический узел" пустил в обиход Игнат, возвращавшийся на рассвете из ночной смены и увидевший солдат по всей песчаной косе.

Закинув за плечи винтовку, подошел к майору, доложился по всей форме бойца истребительного батальона и, как бы мимоходом, намекнул, что довелось ему еще в гражданскую войну защищать Волгу.

Молодой круглолицый майор с родственной простотой и задушевностью военного времени назвался Хмелевым Федором. Закурил махорку из кисета Игната.

- Да как же мне не знать Волги? Нас, чай, с рождения купают волжской водицей, - охотно отвечал Игнат на вопросы майора. - А умрешь, тоже опять же обмоют из Волги. Нас и хоропят во-о-он где, на взгорке - оттуда далеко видать ее... А ты, извиняюсь, не волжаипп? Веспушки нашенские - промытый песок на быстрине.

- С Урала я, с Белой реки.

- Да и Белая в Волгу течет.

И хотя военные сами были сметливы в разгрузке своего имущества с баржи, Игнат почтительно подавал советы или одобрительно поддакивал. Может, и невелика была польза от его подсказок, но зато сам оп, любуясь расторопностью и сноровистостью солдат, становился веселее, увереннее и вроде даже сильнее. И совсем возрадовался, заманив Хмелева в свой дом на уху. И хоть майор съел всего лишь одну тарелку и небольшой кусок судака, все же приятно было Игнату и Варе, что почтил их дом, хлеб-соль.

Чаю с шиповником выпил несколько стаканов, потел, блестя приветливо округлыми глазами.

- Мало ел, дорогой полководец. А вот от воблы не смей отказываться, сказал Игнат, нахваливая Хмелеву связку воблы. - Солененькая самый раз в походе.

Была вобла жирная, со спины яптарпо просвечивалась, и майор ваял ее.

Сумерками полк ушел степью на запад, и жители поселка, провожавшие солдат, поя их кто молоком, кто квасом, одаривая вяленой рыбой, стали бойчее, увереннее.

Сады и лес, песчаный берег, по которому проползала крестатая тень неприятельских самолетов, ожили голосами детей и женщин.

В омутовом затишке под ветлой на выемке, умягченной сухой травой и листвою, с рассвета угнездился древний старик Михеев, дед Кати.

Афанасию, вернувшемуся с проводов полка, поверилось, что рыбак не покидал своего прикормленного места много-много лет. Старик искоса посмотрел на Афанасия, встал, стряхивая листву со своих заплатанных штанов.

- Таких рыбаков, как твой покойный дедушка-бакенщик, поискать надо! Придешь за стерлядью к нему, а он говорит: "Сам выбирай в садке, сколько душе угодно". - Михеев неожиданно двинул Афанасия плечом. - Не столкнешь, а тихий парень.

Всякий раз старик, верный своему постоянству, спрашивал, не посадили ли в тюрьму на цепи нашего посла в Германии? И правда ли, что немецкие дипломаты в Рыбинске содержатся, по утрам выламываются гимнастами.

Каким ветром занесло в голову старика эту байку, искаженный ли это факт, Афанасий не допытывался, просто приятно удивился, что дед домысливает на свой лад неизвестное, тем более что Михеев Фрол издавна отличался своеобычностью, независимостью. Да и жил он со своей старухой отдельно от внука и внучки.

- При любой погоде, бают, козлякают. И какого лешего прыгают? Все равно битыми быть. Одним словом, Россия свое возьмет.

И, помолчав, пожаловался на архиерея обновленческой церкви, эвакуированного в Одолены - Взрывчатку кинул в Ундорах. Сколько молоди сгубил отраженный святой. Подсказал бы ему: мол, грех...

Без него немцы бомбами глушат рыбу.

Афанасий молча кивнул головой.

- Ты погоди уходить, потолкуем, - сказал старик.

- Да ведь война требует.

- Подождут с войной. Первый раз, что ли, воюют?

Сколько их было, войн-то? Вот возьми меня...

Поплавок удочки пополз к тростнику, и Фрол косолапо, приседая, как старый кот, стал красться к удилищу, забыв Афанасия и свои былые ратные подвиги.

Афанасий вылез на кручу под упруго прохладные крылья ветра, не пытаясь разобраться в том, почему спокойнее и отраднее у него на душе.

Человек двести женщин в разноцветных одеждах и подростки, поскидав рубахи, отложили кирками и лопатами суглинистый берег, выравнивая взъезд от реки в поселок. Закончив работу, сели завтракать, развязывая узелки с едой. Афанасий подошел к мачехе и отцу, расстелившим холстинку на траве, поел вместе с ними лепешки, запивая молоком.

По занятости ли, потому ли, что в жизни отца произошли изменения и сам он жил бивуачно в комнате рядом с райкомом, но только виделся с родителем редко. И после каждой, все менее продолжительной и все более натянутой встречи с батей он с грустью чувствовал, как жизнь дальше и дальше относит его от родителя, все невнятнее становились для него настроения, взгляды, навыки отца.

"Нет, этого не должно быть... иначе я совсем осиротею".

Прощаясь, раскачивая тяжелую руку бати, Афанасий дивился вечности реки, живучести садов, дубам в парке, посаженным пленными наполеоновскими гвардейцами. А вон те, у церквушки, с петровских времен зеленеют темновато. Пугачев становая под дубами. Никогда так близко и доверчиво не приближалась к Афанасию невыразимая тайна прочности, долгожительства жизни. По холмам и взлобкам круто проросли в небо пушки зенитной батареи.

Синел и накалялся воздух.

Слипались глаза у Афанасия после бессонной ночи, и он с усилием добрался до дома рядом с райкомом. Гололобый, с

раскосыми окнами, дом воплотил в себе нужду, архитектурную малограмотность и урезанную эстетику первой пятилетки.

Окно комнаты выходило к стене заводика. Когда-то купец Разгуляев огневался на певичку, взял да и поставил на площади перед окнами ее гвоздильный заводик. И заскрежетал заводик, как грешник в аду зубами.

Удивился Афанасий: выпускающий ныне военную продукцию заводик заслонил от него исхломлепную за пойменными лесами даль в сизо-голубых переливах, текучую блескучесть, стремя реки и даже красную трубу родительского дома в садах.

Но горевать не было сил. В райкомовский секретарский хомут влег Афанасий со всей молодой рьяной силой, и хоть обжигал плечи, умаивался, до короткого беспамятного сна, вылазить из хомута не собирался. "Не потяну, выпрягут, стесняться не стану", - подумал, валясь на кровать. Вскоре как бы растаял в глубоком молодом сне.

С унаследованной от бати способностью спать в любое время суток в любом месте и положении беспробудно, он полностью взял свое и на этот раз. Встал, сильно потягиваясь, бодрый, без раскачки стал одеваться. Нарастающий гул самолетов уловил он своим чутким но-звериному ухом в то время, когда добривался перед зеркальцем у окна. Тонким вибрирующим звоном отозвалось стекло на просыпавшийся с неба железный многомоторный грохот.

Обгоняемый жильцами дома, спешившими в щели во дворе, Афанасий чуть замедленным шагом спустился по лестнице на бетонную плиту подъезда в то время, когда бомбардировщики тремя ярусами развернулись по-над Волгой и потянули на юг к Сталинграду.

Зенитки на курганах стреляли все разом, взахлеб, пятная предвечернее небо снежно-белыми разрывами. Приотставший от стаи бомбовоз ушел за поля, потом прямо от низкого солнца, падая на крыло, бросил в косой полет несколько бомб.

Афанасий попятился в подъезд, подпер плечом одну створку двери. С грохотом и горячим пыльным ветром слетевшая с петель дверь отбросила его в глубь подъезда к ящику с песком. Он повалился ва песок, не разжимая рук на скобе двери. Отдуваясь от пыли, встал, прислонил дверь к лестнице, вышел во двор.

В круглой зубчатой пробоине в степе тихо в тумане поблескивал плес Волги, из-за бугра красная труба отцовского дома попыхивала дымком. Оказывается, батя ближе, чем думал временами Афанасий. Да и весь поселок вродо бы сжался.

10

На крутом спуске от райкома до Волги Афанасия два раза

останавливали патрули народного ополчения, но, проверив документы, подсвечивая фонариком, тихо и значительно-милостиво разрешали идти.

И он, довольный воинской придирчивостью стариковдружинников, шел в лунной ночи мимо машин, повозок, складов и сараев. За плечистым выступом кручи окатила лицо пахнувшая речным дном прохлада. Захрустел под ногами ракушечник у изломанного окрайка. Обходя в теплой лунной светлыни сбившихся у причала детей, Афанасий услыхал певучий журчащий голос Кати Михеевой:

- Дети, на ходу не спите. Перевезем на тот берег - уснете.

"Самому бы хоть день побыть ребенком, авось погладила бы по голове", улыбаясь, подумал Афанасий.

Катя, одергивая гимнастерку, подошла к нему близко и потребовала ответа - всех ли молодых женщин пропускать с детьми за речку или некоторых задерживать?

- Матерей нельзя задерживать, товарищ Михеева.

- Ребенку положена одна мать, а не три. Что-то многим захотелось быть матерями. И как не стыдно, молодые а бегут.

- Вот горе-то, молодые покидают нас! Жаль-то какая расставаться с красавицами. Но, с другой стороны, зачем держать их тут?

С тех пор как Михеева почувствовала, что оаа правится Афанасию, она смелее и зорче стала разбираться в нем:

не признает за женщинами равных с мужчинами возможностей. Непозволительно веселым и усмешливым становится он, когда речь заходит о женщинах, будто в расцветшие луга попадает.

Подступив еще ближе к нему, Катя жгла Чекмарева исподлобья урезонивающим взглядом:

- Разве женщины не имеют права защищать Родину?

Проходившая мимо бабка толкнула Михееву, и она налетела грудью на Афанасия. Отпрянула, гневно посмурев.

- Простите, товарищ Чекмарев.

Он взял ее за руку, увел от трапа, посадил на кпехт.

- Катя, за хлопоты о детях спасибо...

- Вот еще! Как будто за спасибо работаю. И что я буду сидеть, а вы стоять? - вскочила.

Но Афанасий усадил ее, мимоходом объяснив обязанность мужчины стоять при девушке, особенно симпатичной и в такую лунную ночь.

- Детей перевезем, и вы поедете с ними.

- Это еще что такое? Мое место на липни фронта.

Чекмареву доставляло удовольствие разъяснять ей, что

желающих сражаться и умереть за Родину много, но Родина будет экономно и целесообразно распоряжаться судьбами своих сынов.

- И особенно дочерей, - улыбчиво уточнил оп.

- Вы всем женщинам так говорите?

- Вообще-то всем, но особенно вразумительно - красивым.

В разговоре с женщинами оп веселел, неожиданно для себя поигрывая словечками. В том-то и беда была, что от роду он влюбчив. Тут, видно, отец виноват: любит женщин до старости, и до того ласков и уступчив с ними, что пиши он законы, утвердил бы за женщинами решающие высоты, себя бы определил в услужение им. Больно хороши они - умом дети, душевной выносливостью - богатыри.

К причалу повыше притащил буксир сухогрузную баржу. Из щелей в берегу, из полуразрушенных пристанских складов, из оврага поспешили к барже женщины с чемоданами, узлами, сумками.

- Куда вы? - басил хрипловато усатый боцман на барже. - Посудина и без вас по самую шейку осела. Болванки тяжелые.

- На черта этот шурум-бурум нынче? - боевито закричала с пирса здоровая, гвардейского роста женщина. - Побросаем за борт, а сами - на тот бок. А?

- Тю, тю, голосистая уда лица! - откликнулся боцман. - Болванки и чушки на котлеты сгодятся. Натрескается высшая раса, утихомирится навеки. А ну давайте сгружать, заводишко проголодался.

- На бреши, печи пе пынче-завтра потухнут.

Чекмарев протолкался к бойкой коноводше.

- Познакомимся: я Чекмарев, а вы?

- Зови Веселухой.

- Так вот, Веселуха, ты, что ли, молодка, своим ветром загасишь печь?

- Была молодка, да отросла бородка.

Даже видавший виды Афанасий смутился, потому-то и попросил несколько сконфуженно помочь боцману Поликарпу Сазоповичу опростать посудину человек он добрый, отвезет на тот берег.

- Эй, Карп Сазаныч, сгрузим - возьмешь нас на тот бок? - спросила Веселуха, широко расставив ноги.

- Хоть на пляж, хоть в кусты, в холодок!

- Отхолодовничал, Карп Сазаныч, тебе на печку пора, лапу свою сосать, отбрехивалась, румянея зарей, Веселуха, на всякий случай примерочно оглядывая фигуру боцмана, и, решив, что мужичонко еще в мужской памяти, с похвалой закончила: - И пошутить нельзя с вашим братом, сразу на сурьез бабу клоните,

озорники!

Длинная в два ряда цепь женщин вытянулась от баржи до сарайчика с настилом для машин. Пригибаясь, чуть приседая, тетешкали они железные болванки - тек металл на берег, оттягивая, казалось, выдергивая из плеч нежные руки.

Естественно, как разливается вода сначала по низине, обходя холмики, потом поднимается все выше, пока не уравняется, постепенно женщины менялись местами, подбирались пары - сильная со слабой, пока не втянулись.

Катя Михеева и Веселуха стояли на пару с самыми невтянутыми в работе. И обе они были надежно хороши крупной статью, ловкой валкостью.

Афанасий наказал командиру рабочего отряда Игнату не обнадеживать зазря женщин, а при первой возможности отвезти буксиром за реку, в крайнем случае на островок Насти но озеро, а там лодками переправляться.

Снисходительно посмотрел отец на Афанасия:

- Не осерчают женщины, если даже обмануть вынуждены будем. Они уж какой день разгружают баржи с разным добром, а махнуть за Волгу мало кому фартит. Да они понимают, Афанасий Игнатьпч. Ты бы велел выдать им винтовки. С оружием посмелее станут.

- Никакого оружия. Всех за Волгу. Эй, товарищ Михеева, подите-ка ко мне!

По голосу поняла Катя, что с Чекмаревым спорить сейчас нельзя. И все же, строптиво подчиняясь его указанию переправиться на левый берег вместе с женщинами, она попросила дозволения остаться тут, на правом берегу.

- Афанасий Игнатьевич, пожалуйста... очспь прошу...

тут один человек... Я не имею права.

"Ясно: Гопикпна пе может покинуть. Но я и его туда - рука в лубке, а он геройствует. Я не вижу особой производительности в драматических жестах руководителя", - думал Чекмарев.

- Михеева, пойдем на совещание на пароход. И ты, батя.

У обрывистого берега смутно белел старый пароходик - отслужил свой век, и его посадили кормой на отмель. Месяц из-за горы освещал только мачту.

Чекмаревы услыхали голоса людей, затаились в тени.

- На земле все познал, все пережил, а на том свете первым делом постараюсь память потерять годика на три хоть, забыть грамотность - я ведь слабость имею к чтению. Бывало, жена: опять за книжку! Дела тебе нетути?

Только и знаешь смену у клинкера да книжки... Забыть грамоту, а то еще заставят читать воспоминания о дойне...

вот она где у меня засела. Во мне столько свппца, что отравления боятся врачи. А чего боятся? Может, жщъ-то мне осталось малость, - говорил спокойный голос, как говорят о смерти мужики.

И вдруг с неожиданной пугающей строгостью:

- Стой! Кто?

- Чекмаревы, - отозвался Афанасий. А Игнат побалагурил:

- Не одни Чекмаревы, а с персидской царевной идут.

- Идите. Гоникин уже там сидит.

В каюте красного дерева, с зеркалами, с мягкими диванами, большим столом, собрались руководители местных предприятий. И хоть пароходику никогда больше не взбулгачить воду плицами, порядок на пем поддерживался прежний, только капитанское место запял Афанасий Чекмарев.

Гоникин устроился по левое плечо Игната, подтянул висевший через гаею ремепь, на котором покоилась загипсованная рука. Он был подавлен чувством неприязни к Афанасию. И все началось, думал он, с того, что усомнился однажды в зоркости его - все-таки во!ворил Рябинина в заводской коллектив, поставил командиром истребительного батальона. Говикин попытался было вернуться к своим прежним, в меру недоверчивым, в меру лояльным отношениям с Афанасием, но, припомнив всю совместную работу с ним, он не нашел того, чего искал, - полного доверия. Что бы ни говорил и ни делал Афанасий, Гоникину казалось или промашливым или неискренним до такой степени, что испытывал временами к нему физическую враждебность. Несовместимость, думал он, как видно, не сегодня родилась, она существует издавна. Но мысль о несовместимости он изгнал, потому что она оправдывала Чскмарсва, уравнивая его с ним, Павлом Павловичем,Т ведь могут не совмещаться хорошие, равноценные работники.

"Нас же с Афонькой размежевало что-то более глубокое, - думал Гоникин. - Правота не может быть многолика, одно у нее лицо. Одновременно двоим не может большая правота служить. Она за мной", - убеждал он самого себя. В чем же состояла эта правота, оп не знал доподлинно, привыкнув считать себя всегда правым.

- Афанасий Игнатьевич, сорок мужиков с моего завода на фронт... Кто же план будет выполнять? Кем заменить? - говорил директор судоремонтного заводика, вскинув на Чекмарева выпуклые, со стариковской слезой глаза.

- Девчонками из школы, кем же больше-то?

Говорила о военных заказах даже маленьким мастерским, о переправе за Волгу раненых (все чаще прибывали с фронта); о

том, как бы выкосить травы на пойме Чувыч убрать хлеб в полях, - и все эти разговоры казались Гоникину хотя и важными, но очень уж приземленными, деляческими, к тому же всюду были недоделки, нехватки.

Удивляло, почему молчат о главном: о тяжелых боях в излучине Дона, о сроках войны: закончится ли она через полгодика...

Любое дело, думал Гоникип, ограничено и безгранично одновременно, как сама жизнь... А вот партийная работа так обширна, так неопределенна и определенна одновременно, что Чекмареву-то с его деловым складом практика не следовало бы браться за такое дело. Не на высоте он.

"Тут бы надо..." - но Гонпкин одернул свои помыслы, считая, что время не настало, оно где-то близко. Не застигло бы врасплох.

Боцман предложил ужин - уху.

- Рыбы мпого... глушат бомбы.

- Аж страшно, сколько осетра гибнет, - заговорили за столом, намазывая хлеб икрою.

"Да что же это с людьми? О какой рыбе речь, когда судьба страны решается... Затмение напало?" - думал Павел Гоникин. С невеселой решимостью он выпил рюмку водки. Горечь в сердце не рассосалась, опа как бы отмякла и оттого стала более едкой.

Усилием воли он уплотнял свою пока зыбкую мысль.

- Афоня слушается тебя? - спросил он Игната.

- Я не игумен, он пе монах. А что?

- Да так просто.

- Ну, так просто, может быть, и послушается.

- Ну, а если скажешь ему: мол, не переходи товпрпщу дорогу, не мути подругу его? Послушается?

- Знаешь, Павлик, тут, брат, такое дело - не зевай.

Или сокрушай соперника, или не зли его попусту. Попил?

Затевая разговор с Игнатом, Гопикин надеялся, что, дав кругаля, он выйдет на некую желанную тропу. Но старик не захотел плутать с ним - пе хватило воображения. А у Афанасия и того ниже полет.

- А что, хороша она? - напрямки спросил Гоникип Игната, поведя усом в сторону Михеевой. Черные глаза его пьяно туманились.

- Мужиком баба хороша. Не балалайка, а мастер играет. Красота-то бездонная. А там дети пойдут - еще лучше. Веселое занятие - детей на свет путать.

На берег Гоникин сошел вместе с Игнатом. Старик толкнул его локтем:

- После войны, поговорим, если живы будем. Ты очень-то не пужайся, а то вона заносит в какую неразбериху. Может, но спал долго?

Как бритвой натянутую нитку, обрезал Гоникин голос Игната резким тоном:

- Не пуглив я!

Сдавив пальцами свой кадык, Игнат прокукарекал так голосисто, что ему отозвался какой-то поддающийся на провокацию петух. А за ним спросонок загорланили другие кочеты.

- Умеешь? - совсем с детской затайкой спросил Игнат, склоняясь к лицу Гоникпна. - Я с шестнадцати лет петух справный, и мои песни о них природные.

- Нашел чем хвалиться...

- А ты нашел на чего серчать. Погодь, везут...

Уже побелело за Волгой. По спуску съезжали телеги с лежавшими и сидевшими ранеными солдатами.

Игнат подошел к телеге, рядом с которой шла Варя в беяой косынке с красным крестом. Слышались сдержанные стоны, кто-то звал маму, кто-то просил холодной воды.

- Сейчас, родненький, маманю увидишь, - говорила Варя притерпевшимся голосом.

Не останавливаясь, она сказала Игнату, что на загнетке стоит в чугуне затируха, и пусть он завтракает, не ждет ее.

С тех пор как стали прибывать раненые на машинах и подводах, Варя дежурила на эвакопункте. Одних перевозили на левый берег, других свозили правым на Камышин и Саратов. Афанасий подозвал Катю.

- Михеева, помогите Гоникину эвакуироваться вместе с хозяйством за Волгу. И Антипова туда же, если оя еще тут. - Афанасий увидел в ее глазах недоумение и растерянность. - И вы с ними! Ясно? Головой мне отвечаете.

- Но я должна забежать в дом дедушки. Можно?

- Можно.

11

Катя, отправив за Волгу племянников вместе с их матерью Валентиной, решила взглянуть на домик дедушки и бабушки в полной уверенности, что старики уже на левом берегу. Но они оказались дома и порадовались приходу внучки, хотя она с порога начала возмущаться их ослушанием.

Бабушка Дуня, подвинув к дивану настольную лампу, шила коленкоровую смертную рубаху. В подушке-игольнице были наготове три иглы с продетыми в них нитками:

дедушка припас, потому что бабаня не могла уже по сдабостп

глаз вдеть нитку в ушко иглы.

Дед Фрол разложил на полу на масленой холстине детали ружья - собирался в ополчение.

- Хитришь, Авдотья, тесемки заместо пуговиц пришиваешь: мол, бог позовет на страшный суд, легче тесемки развязать и нагишом встать перед ним, как лист перед травой. Мы-то с тобой, кажись, не ответчики перед ним, - говорил Фрол.

- Все должники его. За грехи наказание нам.

- Вот опа, русская душа! Казнит себя. Не прнмаго!

Катька, что это за чемодан у тебя?

- Продукты, дедуня. Возьми, бабаня.

- Положенное нам выдают. Ые обижают рабочих.

- Но мне всего этого много, дедуня.

- А ты не бери всего, если много. Силком, что ли, тискают тебе?!

Бабушка убрала шитье, близко подошла к Кате.

Распахнув коричневой кожи реглан, внучка стояла перед бабкой в габардиновой гимнастерке, суконной юбке и хромовых с блеском сапогах. Офицерский широкий пояс с кобурой перетягивал талию.

- О, да ты... Катерпна Сергеевна, в грозном обмундировании...

- Знаешь, бабаня, сейчас стиль такой. Жизнь бивуачная, почти окопная.

- А в окопах-то, поди, не без братьев милосердия...

Вот он в годах, а ватажптся с молодью... Как это? Вместе с ним защищали, строили... А он меня одну оставляет.

Чем ближе подкатывался к поселку фронт, тем чаше вспоминала Авдотья о гражданской войне, возвеличивала своего Фрола. К нему приходили комсомолки, просили рассказать о борьбе с белыми, фотографировались в саду, и каждая девчонка ловчила сесть рядом с усатым стариком. Бабушке льстило это внимание к Фролу, но и огорчало, что ее забывают. И когда старик, прозрев, не захотел сниматься без нее, она посветлела улыбкой прямо-таки подетски, и получилась на фотографии в таком озарении, так рвалась душа из тенет морщин, что долго глядеть на нее было смутптелъно и неловко.

Катя отслонилась от косяка, и кожа реглана чмокнула.

- Ишь, как лошади поцеловались, - бабаня насмешливо взглянула на внучку.

Пока они переговаривались, продукты укладывали в авоську, Фрол спроворил из дома, только сдвоенный ствол ружья прочертил синеву за забором. А там уж поджидала его такие же белоусые сверстники-воины.

Бабушка заплакала, прикрыв лицо передником.

- Не взял на завод... Никогда прежде не убегал, теперь не нужна стала, - жаловалась на дедушку с горечью покинутой.

Катя стояла над ней беспомощная и злая, пока не дошел до нее грустный смысл: оказывается, страдать от разлуки удел не только молодых. Села рядом с бабкой, обняла ее прлсутуленные горем плечп, дала волю своим слезам.

- Да что тебе, бабаня, страдать, ведь любит он тебя и бережет. Может, полежишь на веранде в холодочке?

А .меня вот никто не пожалеет, только знают скалиться.

Бабка норовисто вскинулась:

- Стыдись, девка.

Не говорила, чего надо стыдиться, но Катя стыдилась своих изменчивых отношений с Гоникиным - то избегала, то сама шла к нему.

- Иной раз жпзнь-то сном кажется. - Бабушка снова вернулась к своей рубахе, вышивала крестики на груди. - Люди хорошими каждый день не бывают. Ты на дедушку не гневайся - хворает он через горе наше. Смолоду думку держали дожить до всемирного братства. Ты у нас ученая, партийная сызмальства, трезво так, спокойно так скажи:

война-то эта последняя?

- Не знаю, бабаня.

Катя, добившись от бабушки слова, что уедут за Волгу, ушла. А в полдень на Одолень налетели бомбардировщики - дома засыпали зажигательными бомбамп, пристани рвали фугасными. Дом стариков сгорел, а Авдотья спасала баню в огороде, да так отчаянно, что брови опалила, - Смех и грех, говорил Фрол своему сослуживцу со стыдом и злостью, когда старуху свою привел в разум, умыл и заставил выпить чаю для снятия героического напряжения и притупления чувствительности ко все еще горевшим постройкам по улице Воднпков.

Бабка отошла и принялась в откосе углублять щель, которую начинали было рыть прошлым летом, но забросили после того, как немцев попятили от Москвы.

Катя, Фрол и его два соратника с ружьями сели на земляные ступеньки у лаза в штольню.

- А тут опять, вишь, попер по тем ранам незаживающим прямо танками, нахально, - сказал сосед. - Сорок первый год повторяется, что ли?

- А что тебе сорок первый? - построжал глазами Фрол. - Активная оборона с целью измотать врага.

- А мне один хрен, как называется беда - активная оборона али еще как. От названия не утихает вот тут под ложечкой. Раны не заживают. Самые молодые, кадровые полеглп... Если бы я был

генералом, я бы немца сюда не пустил.

- А он сюда не пойдет. - Фрол угрюмо глянул из-под опаленных бровей. Дома пожег, чего ему тут делать?

Нет военного смысла. Правда, заводы пока не все разбил.

- Если наши соколы будут по одному на сто вылетать - и заводы спалит.

- Волгу, правда, ему надо перерезать...

- Ну вот что, стратеги, забирайте своих старух, извините, боевых подруг, отправляйтесь на тот берег, - сбила их разговор Катя. По вспухшим желвакам на лицах стариков повяла - не по нраву пришлись ее слова. Приказывать я вам не могу, а упрашивать таких умачей понятливых вроде бы неловко.

"Да что это я заговорила языком Афанасия? - хватилась Катя. - Не к добру, когда курица начинает кукарекать".

- Миленькие, надо уезжать, - упрашивала она.

Авдотья вылезла из щели, воткнула лопату в кучу накиданной ею земли, присела на эту пухлую землю. Бабка развязала кончик платка, достала комочек соли, откусила половину, взяла под язык, а другую половину завязала.

Катя стала уговаривать бабку махнуть за Волгу.

Авдотья уставилась на нее коровьими глазами.

- А что, разве Одолень сдадут?

- Не сдадут.

- А зачем нам за Волгу? Я хочу своими глазами увидать Сталина.

- Так для этого надо ехать в Ставку, - сказал Фрол.

- Зачем мне ехать, когда он сам приехал на Волгу сокрушить Гитлера. Как Деникина в гражданскую кровопролитную.

- Откуда тебе известно о его приезде? - склонился к ней сосед, и в лице, в глазах его было столько готовности верить, что и Катя заразилась этим же чувством.

- В народе зря говорить не будут, - уверяла бабушка.

"Не нужно опровергать категорически слухов о вожде, - думала Катя. Пусть будет так".

Дедушка Фрол с почтительным удивлением глядел на бледное, вдохновенное лицо своей старухи.

- В древности во время жестокой сечи русских с сыроядцами появлялся Егорий Победоносец на белом коне и разил недругов, - сказал сосед, невесело посмеиваясь.

Бабушка угрожающе гортанно оборвала его:

- Гогочешь неуместно!

Собрала Катя нескольких старух и стариков, увела на берег, а пока с дедом ходила за баркасом, бабушка исчезла. Нашли ее в своем огороде в щели - углубляла, выбрасывая землю совком.

- Тут я буду помирать. А ты кто такая?

- Это я, бабаня. - Катя одергивала гимнастерку. - Не узнаешь? Я, Катя.

- Какая такая Катя?

Катя наклонилась к бабке, с испугом и огорчением заглядывая в ее лицо, чуть не плача.

- Да твоя я внучка, ну дочь Сергея. Катька я!

- Никаких Катек я не знаю. Я еще молодая.

Фрол, примирение и грустно, сказал:

- Догадливости нет в тебе, Катька: барышне всего шестнадцатый годик пошел, а ты во внучки набиваешься...

От контузии это у нее... пройдет.

Авдотья выпростала из-под платка бледно-желтое ухо, тревожно всматривалась в своего старика.

- Тута я буду помирать...

12

В райисполкоме не помышляли об эвакуации. За дверью в кабинете председателя гремел голос Гоникияа.

Катя, кивнув секретарше, вошла в кабинет.

Не сразу узнала Антипова - землею взялось лицо, мученическое, с залысинами, удлинявшими высокий лоб. АНТИПОВ стоял навытяжку, свисала с его плеч гимнастерка, - Заявлениями, врачебными справками хочешь разжалобить! - кричал на него Гоникин, закогтив в левом кулаке что-то белое, будто вырвал горсть перьев из подкрылка курицы, правая рука в лубке тяжелела на перевязи под кителем внапашку. - Кучу справок о расстройстве живота двинул на меня, чтобы за Волгу на диетические харчи благословил я тебя, а?

Кулак Гоникина напоминал лапу кобчика, закогтившую добычу. Пальцы растопырились, на стол упали бумажки, как яичная скорлупа.

- Вот они твои справки, - уже тпше сказал Гсвпкин. - Извини меня, Катя, но этот человек перетрусил малость.

Катя и без справок видела по желто-квелому липу и провалившимся глазам Антппова, что до последней капли испит он хворью. Его место в госпитале.

ГОЕПКИН с холодной жестокостью упрекал Антппова в том, что и прежде на посту председателя райисполкома он плохо работал и отделался легким испугом. Гоникин сулил ему военный трибунал незамедлительно.

Катя попросила Антипова выйти в коридор на несколько минут, и когда тот шагом измутузенного доходяги, шаркая сандалиями, вышел, она села и Гонпкгшу велела сесть.

Устало, тихо сказала, что произвол, пусть и мотивированный

даже самыми высокими побуждениями, опасен, - она уже перестала замечать, что все чаще говорит языком Афанасия Чекмарева.

Зато Гоникпн видел это и страдал от этого. Он, сопя, изжевал мундштук папиросы, выплюнул. Катя проследила за полетом окурка от красно-горячих губ Гоникпна до урны в углу.

- Мне, что же, уговаривать этого типа, чтобы он исполнял своп долг, предпочел бы умереть под огнем, чем неделей позже от болезни пищевода? Гоникпн оправдывался перед Катей, искал в ней еслп не сочувствия, то хотя бы понимания.

"Павел очень уморился, в глазах у него рябит", - подумала Катя так, как подумал бы Афанасий Чекмарев.

Она встала и, касаясь здоровой руки Павла, передала ему приказ Чекмарева перебираться за Волгу.

По лицу Гоникина, проминая щеки, прошла усмешка.

- Знаешь что... Иди ты со своим Чекмзревым...

- Паша!

- Я что, ослеп, что лп? Не вижу твоего отношения к Афоньке? Меня, значит, за Волгу, а сама геройствовать под... руководством Чекмарева...

- Павел Павлович, я еду с тобой, - сказала она, как бы покоряясь своей судьбе. И уж так жалко стало ей чего-то, так заломило в груди, что она, уткнувшись лицом в гардины, заплакала.

Дверь открылась, и в комнату вошел Афанасий Чекмарев в армейском обмундировании, с автоматом. За ним - Антппов.

Афанасий достал из кармана бланк, написал на нэм что-то и подал Антипову.

- Переправишься за Волгу, сразу же в совхоз - по ночам будете продовольствие сюда доставлять. Всего хорошего, Максим Мпхалыч.

Афанасий, держал пальцы на кармане гимнастерки, умолял кого-то в самом себе: "Дай мне твердость и ясность мысли, чтобы не сорваться, не унизиться, не показать Гоникину его слезницы". Он вынул бумажку и, не читая, изготовился порвать ее, но голос Гоникина заморозил его пальцы:

- Дальше, товарищ секретарь, молчать не могу: ты покрываешь трусов.

Афанасий развернул бумажку, разгладил на широкой ладони, подул на нее и положил на стол перед Гоникпным.

- Вот твой поэтический рапорт: "Афоня, отпусти маня на фронт, я тут виноватым себя чувствую". На, возьми на память. Фронт сам сюда идет. И ты возмужал за год войны.

- Что ты хочешь этим сказать? Еслп думаешь, что я боюсь

фронта... Я и сейчас требую отпустить меня в Действующую армию... Да и твое место там же, товарищ Чекмарев.

- С последней партией детей и женщин вы оба отправитесь за Волгу. Желаю вам удачи... Все, идите.

- Никуда я не поеду. Понял? Даже еслп все сбегут, я останусь с темы, кго будет стоять насмерть.

- Гоникин, еслп ты сорвешь эвакуацию детей, тебя ждет самое худшее.

13

Воздушная тревога и взорвавшаяся на спуске к рекэ бомба разлучили Михееву и Гоникина с Афанаспем: они забились в старую штольню, откуда когда-то брали мел.

Афанасия будто ветром унесло. Да и хватились-то они его лишь в потемках штольни. В глубине сидели и лежали на своих пальто и фуфайках старые женщины, совсем древяие старики. Начальником всех этих бабок и дедов был Игнат Чекмарев: по глухоте ли своей (заложило уши в последнюю бомбежку) или по старческой мудрости он совсем не обращал внимания на звонкое буханье зениток - у з хода лежал на рундуке, вытянув длинные ноги наружу.

Нагнувшись, Гоникнн увидел, что командир пенсионеров спал непробудно время приспело ему спать. На бритом, сухом, без морщин лпце удивительно кругло расстегнулся под усами рот с младенчески белыми зубами.

Гоникин рассказал Кате: ходил слух, будто на месте выпавших зубов выросли молочные и будто бы вышедшая за него вдова Варвара похвалялась: вместе с зубами взыграла у старика совсем юношеская прыть.

"Да что с ним творится? Откуда эта грубость и злость?" - Катя замерла в опасении, что Гоникин вот-вот скажет что-то непоправимое.

Варя сидела на земле рядом с рундуком, на котором спал воевода, подбирала выпадавшие из кармана его пиджака разноцветные гальки - насбирал пх на берегу во время своей боевой вахты. Перехватив взгляд Гоникина, сна свяла с себя вязаную кофту и осторожно накинула на лицо глубоко спавшего супруга.

Бомба взорвалась понпже ступенек в штольню. Удушливая волна тола доплеснулась до Кати, и ее стало мутить.

Гоникин загородил ее от глаза Рябишша, - когда он вошел, они не заметили.

- Ну, что смотришь? - четко заговорил Гоннкив. - Что стопшь?

Рябинин пожал плечами, растолкал Игната Чекмарева, минуту застил свет у выхода, потом ушел.

- Наше спасение, Катя, в руках Кольки Рябннина.

Чекмарев ему поручил командовать...

- Ну, не надо. Ты же не такой злой, Павел.

Гоникин ударил кулаком по своему колену.

- Нет, злой я, понимаешь, злой! Снисходительность к некоторым людям становится преступлением...

- Граждане, выходите к переправе. Не торопитесь.

Изверг, видать, не будет летать ныне! - басовпто вешал Игнат Чекмарев, преобразившийся после освежающего сна в прежнего веселого дядьку. С мужской угловатой ловкостью он принакрыл плечи своей подруги той самой кофтой, которой она укрывала его разомлевшее во све лицо.

- Слушай! - тормошил Гоникин Катю. - Сейчас старшх Чекмарев петухом запоет.

Но Игнат не оправдал его ожиданий - не закукарекал.

Когда в полночь отвалил баркас со стариками и детьми, Гоникин и Катя переглянулись - нарушили приказ Чекмарева-сына: остались на этом берегу. Сели на белевшем, ошкуренном, промытом и просушенном стволе давно выброшенного тополя. Гоннкпн закурил.

- Зачем осталась? Я-то потому, что ты осталась.

А ты? С ним хочешь встретиться?

- Вдруг не увижу его больше, а надо что-то сказать эму. Кажется, я виновата перед ним, а в чем вина моя - ие знаю.

- От виноватости далеко ли до... примирения. А?

Катя отодвинулась, внимательно посмотрела в его лицо.

- Какого примирения? Мы с ним не ссорились. Так что-то недоговаривали...

- Я хотел сказать - далеко ли, ну, одним словом, я не хочу ваших встреч.

- Тебе надо пожить одному, сокол ты ясный.

Она встала, застегивая куртку.

- Ну, пойдем хоть... не прощание... Катя, пойдем.

На полянке меж осинок сели. Он запрокинул ее голову. Горячие губы пахли мятой.

- Если ослепну, все равно по запаху узнаю тебя, Катя-Катюша. Пахнут плечи солнцем и тобою.

Туманились пригашенные ресницами ее глаза, руки блуждали в его волосах, поцеловала в лоб, щеки вроде крадучись, оглядошно. Потом вытянулась рядом, закинув руки за голову, говорила домашним голосом, с едва уловимой озорной угрозой:

- Возьму да и рожу тебе сына, а? Попробуй тогда покинь нас. Побоишься накажут. Ревмя реви, а живи...

Ведь ты боишься наказания?

- Если я перестану любить тебя, то что же сделает меня более несчастным?

- Что? Что? Как это умно!

- Когда-то я посмеивался над эмоционально распахнутыми: ах, любовь до гроба! Голосят, как деревенские на похоронах, чтобы слыхали все чувствовать умеем. А оказывается, можно так привязаться к человеку, что...

потерять его - все равно что неизлечимо захворать. Бегут от двух крайностей: когда невмоготу плохо пли невмоготу хорошо. У нас с тобой будет все нормально, Катюха.

Ловя лениво руки его, Катя сказала спокойно:

- Нет, это хорошо, что надо расставаться: будешь дорожить... - она зевнула, проваливаясь в забытье.

Запах дыма разбудил ее. Все еще темнилась ночь. Гоникина не было рядом.

Внпзу скрипели доски ппрса, слышались тяжелые, грузноватые шаги. Кто-то кашлял в предутреннем дремотном томлении. Горлицы пролетели над головой.

С горки из-за кустов Катя увидела Афанасия: стоял на берегу, подняв лицо, заблудился взглядом в зеленоватой за Волгой рассветной дали.

Катя спустилась по козьей тропе к реке.

Недалеко от зенитной батареи он один сидел на кампэ у темной щелп, курил.

Придерживая висевшую за спиной винтовку, она нагнулась, всматриваясь в его сухощавое лицо.

- А вот и я, Афанасий Игнатьич.

- Вижу, - не сразу отозвался он. - Ну?

- Перевезла детей.

- А кто позволил вернуться.

В душе Кати была одна незащищенная, больно уязвимая тайна: ничто не могло так обидеть ее, как жалость идя особое снисходительное внимание к ней, как существу слабому. Больше всего боялась она сейчас, что пожалеют ее:

мол, не женское дело стоять насмерть. И в то же время она не находила и не решалась искать в себе духовные силы на исключительные поступки. Многие ее сверстницы покинули поселок - одни до приказа стоять насмерть, другие после приказа. Приказ относился к армии. Некоторые остались. Если бы никто не остался, она бы тоже уехала за Волгу.

- Не я одна задержалась, так что никакого пндпвпдуалпзма нет.

- Махровый анархизм. Приказ не выполнили. Почему?

- А потому... вы-то остались.

Докурил не спеша, встал, набросил свою шинель на ее плечи.

- Вот еще! - ворохнула она плечами. - Маленькая, чго ли.

Он поднял упавшую шинель, встряхнул и снова прикрыл плечи Кати. Вглядываясь в гудевшее самолетами иебо, потеснил ее к щели в каменистом берегу.

14

В двенадцатом часу ночи Игната Чекмарева едва добудилась Варя. Нехотя отвалился он от ее теплого тела, вылез из мягкой постели.

- Не стели перину, Варя, - кости болят в мягком.

Разминаясь от устали и недосыпания, шел Игнат в ночную смену на заводик лечить покалеченную военную технику. На темных улицах встречал знакомых патрулей народного ополчения шутками:

- Иван, да ты все еще тут? А я-то чаял, Гитлера вяжешь, на суд волокешь.

- Был я, Игната, у фюрера, уговаривал добром сдаться, так нет, я, говорит, крестец русскому Ивану сломаю, и будет Иван тысячу лет на локтях ползать... А у меня уши распухли, голову к земле тянут.

Игнат достал кисет.

- Подыми, опухоль опадет.

Вспышка зажигалки озарила в полутьме кособоко съехавшего с фундамента дома патруля.

- Происшествий не было, Игнат. Только грабителя задержали.

- Нашенский?

- Отнял у бабенки водочный талон. Хлебную карточку ве взял, даже свою буханку за пазуху затискал ей, а водочный вырезал.

- Допусти меня к мазурику.

Увидев в караулке грабителя на костылях (из госпиталя вылез на промысел за водкой), Игнат вздохнул:

- Что, сердяга, видно, кипит тут? - осторожно коснулся полосатого халата на груди, взглянул на пострадавшую женщину. - Утрясите сами. Ты, солдатик, с поллитром повинись перед ней, а она, глядишь, закуску на стол. А?

- Эх, дед, какой ты сознательный...

- Но, по, побалуй у меня! Сознательный я, да мосластый...

В потемках над оврагом тяжело гудел дощатый мост под псгами устало шагавших рабочих.

Игнат зашел в цех.

Вспышка электросварки под низкой крышей жарко высветлила танк, бледного офицера в плаще, Катю Мпхееву - со щитком над глазами она помогала сварщику.

Игнат молча заступил на его место.

Катя улыбнулась.

"Чему только не обучит война, чего только не приходится делать мужикам и даже девкам... инструмент в одной руке, винтовка в другой, - думал Игнат, с печальной снисходительностью и вроде даже гордостью следя за неотработанными движениями своей помощницы Кати. - Да как же все это случилось?"

Смущаясь его жалостно-виноватых взглядов и горьковатых недоговоренностей, Катя в перерыве с тревожным самолюбием спросила, почему дядя Игнат нынче кругом да около петляет.

- Хочу у тебя водочный талон выманить... пока не перехватил какой-нибудь герой на костыле.

- Самой нужен.

- На свадьбу? За него наладилась? - Игнат свихнул повеселевшие надеждой глаза в сторону Афанасия. Со стариковским постоянством Игнат все еще держал в уме свое давнее намерение заполучить Катю в снохи.

- А что? И он неплох, да не сватает. - Хотя слова Кати были обычным девичьим двусмысленным отшучпванием, чтобы не обижать родителя парня, Игнат вдруг уловил в ее тоне, в улыбке возможность срастить судьбы Афанасия и ее. Разжигая огонек в душе ее, он нарочито пропаще махнул рукой:

- Пока дождешься его внимания, усохнешь вся. Как древнеегипетская царица запеленатая. Хватайся за меня, покуда не прокис окончательно... Знаешь, я внушал Афоньке-дураку насчет тебя, а он дурачок... стесняется, видно. Ты взгляни на него попристальнее, чтоб заморгал удивленно...

- Чую, скоро с нами все кончится...

- Побил бы я тебя за глупость, да жалко: ладная ты девка! Вроде родная.

Затуманенно глядела снизу вверх большими глазами, не по-женски мудрыми в эту минуту.

С рассветом над головой завыла сирена воздушной тревоги. Игнат полез под железные листы в углу - там было место его и Кати. Заманивая, махал ей рукой.

Но Катя, расстегнув робу, сняв каску, распушив черные волосы, шагнула к пролому в стене.

- Иди сюда!

В худую крышу он видел, как свалился на крыло самолет, потянуло его косо к земле. Выронив бомбу, он тяжко, будто хрустя всеми суставами, выбирался из пике.

Стена цеха вывалилась.

Игнат, сгорбясь, как поджарая борзая, подлетел к Михеевой. Накинул брезентовую робу на голову, скрутил метавшиеся руки

и, не щадя молодого тела, засунул ее под листы в угол.

- Распсиховалась... я тебя приведу к знаменателю...

Потух тот противоестественный многослойный грохот, который возникает при налетах от рева моторов, выстрелов пушек, рвущихся бомб и истеричного завывания сирен. Постепенно вызвучивались прежние звуки людских голосов.

- Держись, Катька, для нас это только запевка, песня впереди. Усмехнись на Афоньку, на Пашку.

В перекур сели на крутом берегу - внизу блеснила мелкочешуйчато Волга.

- Широкая? - Игнат кивнул на реку.

- Я переплывала, - отозвалась Катя.

- А нынче можешь переплыть с левого на правый, а с правого на левый не вытянешь. Надо через Берлин грести. Ну, а если тяжело ранят, перевезут, если, конечно, немец промахнется бомбой.

- Все равно остаюсь.

Ласково похлопывая Катю по плечу, Игнат с заливистой щедростью, будто златые горы сулил по молодости, говорил:

- Обучу тебя по-пластунски утюжить землю. Жмись к ней, матушке, крепче, и она не даст тебя в обиду.

- Дядя Игнат, почему хорошо со старыми людьми?

- Потому что не старые они.

Катю приписали к рабочему батальону, которым командовал Николай Рябинин.

Жизнь в отряде равновесилась уставом, упрощенной и крупной добродетелью: презрением к смерти.

Помогала Кате привычка сызмальства жить по закону - в семье, школе, на работе. Не раздражая командиров, научилась она исполнять приказы с легкостью, не поступаясь своим личным достоинством. Даже Рябинин, весь от поступков, мыслей до сновидений военный, всегда огорченно готовый встретиться с военной безграмотностью гражданских, составлявших его отряд, даже он не мог придраться к Михеевой, хотя на первых порах она вместо поворота направо поворачивалась налево. Сдержался он, не пустил в ход древнейшее, как сама армпя, остроумье:

мол, непонятливым навешивают на левое ухо солому, на правое - сено и команду подают соответственно: сено! солома!

- Не забывай, что ты левша, и тогда юлой поворачиваться будешь, сказал Рябпннн.

- Потренируй меня.

- С удовольствием!

На полянке всласть покомандовал он Мпхеевой, любуясь сильными стройными ногами, подобранной грудастой фигурой.

Ее вогнал в пот и сам, проделывая вместе с нею все упражнения, взмылился, как скаковой конь, одолевший не один десяток верст. Открыл ей тайну, как надо отдыхать после большого перехода - лечь, ноги на кочке или на бугорке свободно раскинуть, доверительно расслабившись, пусть ветерок обнюхает тебя с пяток до прижмуренных глаз.

15

Немцы вышли к Волге выше поселка, оттеснив полк майора Хмелева к пристани и заводу. Имя Хмелева часто упоминалось в сводках, и Игнат Чекмарев проникся надеждой повстречаться с ним.

Немцы за горой пообедали, покурили и начали обстрел поселка и завода. В ребристых перекрытиях цеха взорвался снаряд, загрохотало железо, засвистел ветер.

Игнат отодвинул котелок с похлебкой, раздумчиво поглядел на сына, на Катю Михееву.

- Спокойно поесть не дают, проклятые аккуратисты.

- Твой стол за Волгой, батя.

И хоть Игнат ждал подобных слов от Афанасия, теперь как-то оробел. Пальцы тряслись, заправляя трубку.

- Ты ба лучше фрицам приказал уйти домой. На старика шуметь отваги немного надо.

- Да уж на тебя много нашумишь...

В кладовку в сопровождении офицера и Павла Гоникина вошел майор Хмелев.

- Вот тут и будет штаб, - сказал он офицеру.

Игнат поднялся, шагнул к Хмелеву.

- Вот где довелось свидеться?!

Хмелев, оторопев, оглядывал крупного старика, увешанного автоматом, кинжалом и гранатами. Не сразу он припомнил, где и когда видел этого бравого деда, - все лето полк не выходил из боев.

- А-а! За воблу спасибо, дядя Игнат.

- Ну, как дела, полководец?

Кривая усмешка повела на сторону полное лицо, прошитое от подбородка до уха шрамом.

- Полководец! Приволок на загривке врага на Волгу, - сказал Хмелев, оглядывая Катю и Афанасия быстрыми глазами. - Видишь, дядя Игнат, как меня изукрасили?

- Не нудься духом. Давай чайку попьем, а? Помнишь, пили с шиповником, а?

Кате отрадно было разлить из чайника в кружки крепко заварившийся чай.

- То-то духовит чай, когда молодая да добрая разливает, -

сказал Хмелев, краснея веснушчатыми скулами, - набалуете нас, уедете, скучать будем.

- А что, есть о ком скучать, - сказал Игнат. - Значит, не забыл, Федя? А это мой Афанасий, - полковник кивнул: уже знакомы, - а эта отважная комсомолка на нас, мужиков, не надеется, сама решила бить немцев. Правильно заманили их на Волгу, товарищ Хмелев, - так я соображаю стратегически...

Хмелев нахмурился, затравленно и зло ворочая глазами. Сурово пытался урезонить старика - никто немцев не заманивал, но Игнат стоял на своем: сейчас не признаемся, зато после победы хвалиться будем: все шло по плану, заманивали. Победитель может говорить и писать, что ему на ум придет, спорить с ним побоятся.

- Одним словом, мы тут всех немцев переделаем в хороших. Смирнехонько будут лежать в земле. Найдут, чего искали.

- Верно, папаша, - сказал Хмелев. - Спасибо за чай, милая девушка. Батюшки, как хорошо-то, что вы есть!..

Поговорим, Афанасий Игнатьевич и Павел Павлович, о буднях наших...

Когда остались втроем, Хмелев с шутками начал рассказывать о том, как ему довелось беседовать с английским офицером, посетившим полк на передовой.

- Я говорю ему: если вам не нравится второй фронт, давайте назовем его первым, но только стукните по заднице Гитлера. А он, видишь ли, боится ногу отбить. Ха-ха!

Гоникин, застегнув солдатскую шинель, нахлобучив солдатский треух, сидел в углу комнаты. Аскетическижелтое лицо, черные глаза с выражением отрешенности от благ жизни печально упрекали краснолицего, чисто выбритого, пахнувшего крепким одеколоном майора Хмелева и улыбавшегося румяными губами Афанасия, накинувшего на плечи щеголеватую офицерскую шинель.

"Враг бомбит, льется кровь, а вы... Какие могут быть радости и шутки, когда борьба требует жертв и жертв", - думал Гоникин.

Любопытство Гопикина было не менее жадное, чем у других, и ему хотелось знать подробности встречи с английским офицером, но он, сам умея хранить государственные тайны, не унижался до подстрекательства других к излишней откровенности. Он проявил такое умеренное любопытство к встрече Хмелева с иностранцем, что, казалось, перевидал все державы мира и заграница набила ему нравственную оскомину. Умел он думать и тем более говорить в меру, не опасаясь "пороть отсебятину". Что положено ему, он узнает из официальных источников.

Поджав губы, он смущенно и осуждающе молчал, переводил прищуренный взгляд с широкого затылка Афанасия на хитрое красное лицо майора, и временами казалось ему, как это бывало в детстве, что он далеко отодвинулся от людей, таких странно чужих и непонятных.

Между тем Афанасию Чекмареву хотелось, чтобы Павел приподнялся над привычным, обнаружил бы свою самобытность. "Ну, ну, давай, милай!"

Тоном глубокого почтения и таинственности Гоникия осведомился у майора, как чувствует себя маршал, и, услыхав успокаивающий ответ, что маршал переживет молодых, со вздохом удовлетворения прошептал набожно:

- Лишь бы он был здоров! Без него нам тут конец. - И Гоникин притих, вроде бы достиг теменем умственного потолка, как подумал Афанасий.

Хмелев вздохнул, как после только что сотворенной молитвы, но тут же, вскинув брови, потирая руки, широкие, в веснушках, вслух помечтал:

- Мне бы вон те танки! - Из окна комнаты он вожделенно глядел тяжело налившимися чернотой глазами на танки в цеху, которые ремонтировали рабочие. Всего-то было три машины с пробитой и теперь латаемой броней.

- Ну как, Афанасий Игнатьевич?

Строговато-спокойно молчал Чекмарев.

Гоннкин как на огне горел под взглядом Хмелева, стыдясь за Афанасия, до сознания которого, казалось, не доходила тоскливая жалоба. С презрением взглянул Гоникин в постно-серьезное лицо Афанасия. Боязнь усилившейся власти Чекмарева приучила Павла последнее время молча брать на заметку его промашки. И сейчас бы он подавил свое возмущение неотзывчивостью председателя поселкового комитета обороны, не высунулся бы вперед, не будь тут майора Хмелева.

- Неужели мы не пособим нашим славным защитникам? - сказал он и в ту же минуту понял по особенно улыбчивому взгляду майора, что словам его придается далеко не то значение, которое он вкладывал в них, рискуя проявить инициативу. Хмелев хоть и оценил его доброту и понимание, но не видел в этом большого веса.

Афанасий сказал буднично, что на два танка нужна разнарядка командования. "Туп!.. Восхитительно туп! Да разве допустима в такое время оскорбительная расчетливость!" - думал Гоникпн.

- Ну а третий-то танк? - повысил голос Гоннкин.

- Третий танк можно было отдать, но уж очень был

изуродован.

- С рабочими, инженерами не худо бы потолковать военным. К нам привыкли рабочие: давай план! Давай план! На просьбу танкистов скорее отзовутся.

- Да, наш рабочий класс все может, ему все под силу, - возразил Гонпкин.

Афанасий не мог сказать, что приказывать уже нельзя: все нормы напряжения в работе давно перекрыты. К тому же завод обстреливают.

"В представлении Павла Гоникипа люди безграничны в своих трудовых возможностях. Абстрактная добродетель Гоникина - с большой буквы: Рабочий Класс. Конкретных живых литейщиков, токарей, слесарей, механиков он не знает, боится и презирает за их несовершенство. Абстрактная добродетель его жестока и отвратительна", - думал Афанасий.

Но са привычно сносил настойчивое желание Павла Гоникина обучать его политике. Привыкнуть помогало опасение сменять ястреба на кукушку. Этот хоть и фразер, но с понятиен. А то может попасть критикан святой - и таких мореных дубов встречал Афанасий.

- Да, надо поговорить с рабочими, - сказал он.

Но к вечеру немцы заняли два цеха, и завод остановился.

Наутро в верхние улицы поселка ворвались егери неприятеля. Дугообразная набережная со складскими постройками, элеватором удерживалась солдатами майора Хмелева. В двух цехах завода закрепился рабочий батальон Рябияина. В нескольких километрах за красными холмами в дыму и огне Сталинграда грохотало днем и ночью.

16

После полудня Игнат и Михеева залегли в цехе на ничейной полосе, за токарными станками. Украдкой глядела она на седой висок Игната, и ей спокойно было рядом с этим стариком. Отца она помнила как-то холодновато овдовев рано, он женился, и Катя росла у бабушки и деда.

Потом нянчилась с детьми брата.

- Дядь, а я похожа на маму?

- Вся в нее. Даже вальяжнее.

- А ты хорошо знал маму?

- Красивых я примечал. Господи, как весело-то, глядючи на них!

Кате казалось, что Игнат давно ей родней доводится.

Прежде не удивлялась, а сейчас удивилась, почему он ЕЙ разу не предложил ей уйти на левый берег, поберечь себя.

А ведь любил старик ее - это она чувствовала по своей

радости и оживленности, которые всякий раз смывали в душе горечь и тяжесть, как только видела Игната с его крепким без морщин лицом пли думала о нем.

"Если суждено помирать молодой, лучше бы при нем".

И она представляла себе, как этот широкий и сильный дед выносит ее на руках ЕЗ боя, и ей так больно и сладостнотомительно умирать на его руках. Нет, нет! Он спасет ее...

И глаза ее огромно и печально потемнели, когда она, теперь уже будто бы раненная в ногу, опираясь на железную руку Игната, получает награду от Михаила Ивановича Калинина. И все это она видит то глазами Павла Гоникина, то глазами Афанасия Чекмарева.

- Дядь, и в душе моей есть что-то от мамы?

- Есть, есть. Отважная и милосердная.

- Значит, похожа я? - заикаясь от счастливых слез, спросила Катя.

Игнат скосил на нее глаза:

- Тихо, они.

Два немца в расстегнутых без хлястиков шинелях шли по краю канавы, переговариваясь весело и беспечно, будто у себя дома, и только натренированные руки с привычной чуткостью лежали на автоматах. Катя переглянулась с Игнатом: глаза его светились жесткой веселинкой.

- Поравняются со станком, переднего жениха вали с копыт, а я заднего дядьку.

Перёд ней был молодой, высокий и статный, продолговатое правильное лицо его тепло румянело. Взгляд круглых глаз был напряжен и одновременно будто рассеян.

Он обернулся к заднему, кряжистому, криволапо шагающему.

- Помоги господь бог, - тихо сказал Игнат, ощерив зубастый рот.

Катя целилась в висок солдата, но за секунду до того, как нажать на спусковой крючок, перевела ствол на грудь.

Солдат вскинул голову так странно, будто смахнул пилотку, повернулся на одной ноге и упал в канаву. Когда свалился другой, она пе заметила.

- Гляди кругом, - строго говорил Игнат, срезая ножом сумки с убитых, вынимая документы. Все он делал до ужаса медленно: зачем-то бумажник подымал к свету на всю длину вытянутой руки, потом прятал в кармане ватника. Вылез из канавы, но тут же спрыгнул, пилотками прикрыл лица убитых. Автоматы и патроны взял с собой.

В землянке в круче Игнат за столиком что-то рассказывал

Афанасию и Рябинину. Катя уже не вникала в их разговор. Может, вот так же просто чужой глаз возьмет на мушку светло-русый, в завитке висок Афанасия Чекмарева, и Афанасии, неловко подгибая ноги, опрокинется навзничь со всего роста. И с Павлом может случиться, как бы спохватившись, подумала она.

Игнат лег на соседние козлы. В потемках у самого уха Кати лениво-мудрый тек его голос, спотыкаясь, как поток на камнях, на доносившихся сюда взрывах:

- ...при совестливой власти люди как люди, а при нахрапистой собачатся, лютеют. Вот с германцами и приключилось...

- Нет, дядя Игнат, видно, им рука с Гитлером. Иначе не пошли бы за ним.

- Врешь, девка. По-научному врешь. Наш царь тоже так кукарекал: мол, у меня с народом одна душа, я богом послан. Кукарекал, пока не отвернули ему голову, как куренку. Между прочим, наш брат рабочий прикрыл навечно род Романовых. А ведь триста лет дому-то Романовых было! А Гитлер что? Мелко плавал, вся задница наружи.

Как только верные своему правилу немцы дали сумерками с высоты кургана залп из всех видов оружия, поужинали и, поиграв на губных гармошках, легли спать, разведчики вылезли из щелей - впереди Рябинин, за ним Катя, а за нею старик Игнат Чекмарев.

Страшно было ей ходить в разведку, особенно после того, как она чуть не погубила себя... Сумерками ефрейтор застиг ее в избе стариков недалеко от магазина, в подвал которого вошли два офицера. Катя, улыбаясь, сказала ефрейтору, что она уроженка из немцев Поволжья. Старик и старуха начали ее бранить по-русски, а немец, спросив ее, как зовут, замужем ли она, сказал, что шоне медьхен говорит почти на саксонском диалекте. Он был молодой, сильный, до сумасшествия изголодавшийся по женщине...

Кате удалось бежать, обманув его.

Еще более страшно стало после этого случая, но отказаться она не могла, потому что близкие знали ее как разведчицу, а не просто боевую девку с автоматом. Поддерживать в людях представление о себе на высоком уровне было для нее теперь такой же потребностью, как потребностью постоянно нравиться мужчинам, даже таким старикам, как Игнат, если молодых не было рядом.

В пролом заводской стены разведчики вышли в парк, отдышались, поползли на взволок. Спаленные холодами стебли цветов и лебеды хрустко ломались, а в западинах шуршал колючий катун, занесенный ветром со степных бугров. Запахли на морозе калина, вишневые натеки в садах и вместе со свежестью

снега перебивали запахи тлена.

Летняя лихость немцев пропала. Поскучнели, очутившись в огромном сталинградском "котле". Егерская часть, с ходу ворвавшаяся в Одолень, также попала в окружение, отрезанная от пунктов снабжения.

В темноте на крутом подъеме изрытой землп Катя огибала трупы убитых и вдруг нащупала лицо - извечно неживой холод судорожно приморозил руку к этому лицу.

Потерянная в безысходной тоске, она встала на колени, не хоронясь. "Домой, сейчас же домой, - в страхе ныло ее сердце, и уже по бездомовной привычке представлялся ей родным, спасительным домом цех с проломленной снарядом крышей, - они мужчины, дядя Игнат пожил, а я совсем не жила... Рябинин солдат, а я женщина, и я боюсь умереть... Никто не осудит, если уже не могу..." И ей казалось, напрасно не послушалась Гоникина: он сначала отговаривал ее идти в разведку, она упрямилась, и Павел с едкой печалью покачал головой. "Смерти не боишься?

Да не она страшна, а увечье, - сказал он. - Особенно для женщины".

- Ложись, - зашипел на нее подползший Игнат, и жесткая рука его сжала ее загривок, пригнула к земле. - Утюж пупком землю... Земле не грех поклониться.

- Дядя, умру я... от холода... мертвые тут.

- Сделали свое, оттого и мертвые, не щупай, щекотки не боятся, забудь их, Катька. Работай руками и ногами, помогай себе, взопреешь. Вернемся, я тебя чаем с шалфеем отогрею...

Рябинин полз между ними, ровно и глубоко дыша.

- Раскалякались... Михеева, вернись... если занемогла, ослабла.

По привычке ли считать себя руководителем, сильнее, опытнее, закаленнее, устойчивее рядовых, под влиянием ли Гоникина с его недоверием к бывшему штрафнику Катя настороженно, с неосознанным чувством превосходства относилась к этому недалекому, по ее мнению, молчаливосмелому и жестокому солдату. И она убедила себя, что никогда не выкажет свою слабость перед Рябишшым, не смутится его прямо бьющего светлым холодом взгляда. Его неприязнь к Гоникину она чувствовала как личное оскорбление.

- С чего взял, что ослаола?

И она поползла за гибко извивавшимся по черно-белой земле Рябининым.

И когда совсем загорчило от нехватки дыхания, Рябинин замер, положив голову на вытянутые вперед руки.

Дышала она тяжело, совсем не слышала его дыхания. Он

приподнял за тесемку ухо ее малахая, теплым и чистым дыханием обдал ее щеку, шепотом приказав ползти к дверям покалеченного дома. Игнату показал рукой на подвальное окно.

Кажется, никогда и ни с кем не расставалась она с таким сиротским чувством покидаемой, с такой тревогой, как сейчас с Рябишшым. Оп исчез за опрокинутой повозкой неуловимо.

У подвала завалившегося дома что-то чернело на снегу.

Слышался тоскливый хворый голос - не то плач, не то причитание. Катя подкралась ближе и увидела, что черное на снегу был сидевший человек, укрывшийся с головой рядном. Робея и злясь на себя за эту оторопь, она заглянула под рядно - женское лицо, опухшее, почти безглазое. Первым чувством ее была жалость, а первым побуждением - оказать помощь несчастной, стынущей. Но давно уж она перестала слушаться своих первых непосредственных чувств.

- Немцы где? - спросила Катя.

Медленно, как бы припоминая, жепщпна сказала, что она сварила для сына холодец из продегтяренных гужей, а немцы отняли и съели этот холодец. Двое сели верхом на свекра, лежавшего на кровати: "Старый капут, русский капут, Германия капут и все капут". Так и задавили старика, а ее с ребенком вытолкали на снег. Все равпо ведь капут!

Только теперь Катя признала в этой опухшей старухе Федору, первую жену Павла Гонпкипа. Делая судорожные глотательные движения, Катя так и не смогла ничего сказать более.

- Они там? - указывая рукой на подвал, спросил подошедший Рябинпн. Нам язык нужен.

- Не доведете, околеют. На издыхании, даже кошку не осилили зарезать, только поранили, забилась под кровать кошка.

Под рядном под рукой женщины что-то зашевелилось, и высунулась детская голова. Снег бело высветлил морщинистое личико.

- За мной, - сказал Рябпнин, приподнимая под локоть стоявшую на коленях Катю. Он глубоко вздохнул, потом рванул на себя дверь.

Два обнаженных по пояс немца трясли своп рубахи над раскаленной железной плитой, третий, с ножом в руке, тянул за ноги с божницы пронзительно кричавшую кошку.

Левой рукой Рябинин зажал немцу рот, правой коротким от локтя взмахом ткнул под лопатку. Катя метнулась из подвала, мимо порскнула кошка. Игнат стоял за избой.

- Мальчонку бери, - сказал он.

На.своей спине везла Катя маленького сына Федоры, ощупывая темноту. Мальчишка сопел, вцепившись руками в ее

волосы. За пазухой у пего мяукала кошка. В овраге Катя выпрямилась, взяла его на руки. По дороге в землянку узнала, что зовут его Мишкой. Ничего он не боится, только хочет есть.

При свете плошки, кормя его тюрей, разглядела это жалкое существо, и сердце зашлось больно. Игнат жесткими пальцами вытер слезы с ее щек.

- Отдохнем, - сказал он.

Зашел Павел Гоникин, склонился над спящим сыном.

Он благодарил Катю: сказал, что, видно, судьба ее быть матерью Мишки.

- Ну что ты говоришь?! О Федоре-то хоть бы спросил.

- Я не понимаю тебя, Катя.

- Не буди мальчика! - вдруг грубо крикнула она, хотя Гоникпн всего лишь погладил его голову.

Приковыляла Федора, легла спать рядом с сыном.

17

В овражной землянке было тепло и душно. Павел Гоникпн, прищурив глаза, подняв бровь, слушал Афанасия с замешательством, недоуменно косился на Рябпнина, считая неуместным его присутствие прп такой опрометчивой откровенности Чекмарева.

Рассказывал Афанасий о совещании за Волгой, где ему посчастливилось побывать и где крупные военные начальники вели важные разговоры. Очевидно, Афоня увлекся и забыл отпустить Рябинина, доложившего о делах своего батальона, а тот развесил уши, посверкивая глазом. Да еще замечания делает. Тоже мпе Кутузов.

Гоникин тонко намекал Чекмареву, но тот не понимал его пли притворялся недогадливым. Пришлось Гоникину высказать своп мысли о делах даже с некоторым вызовом, хотя и оговариваясь при этом, что он человек маленький, однако живой участник свершавшихся всемирно-исторических событий, исполненных высокого трагизма. И очень бы хотелось верить, что благодарные потомки не будут скупиться на доброе слово и чистую слезу. Чувствуя, что недостает ушедшего в холодную отрешенность Чекмарева, Павел горячее накалил густой голос: каждый погибший унес с собой целый мир мечтаний и надежд... .

И Чекмареву почудилось, что тайно Павел жалел особой, тонкой, ему, Гоникину, лишь доступной сострадательной жалостью солдат, бесповоротно упрямых в отстаивании груды кирпича и камня. Есть ли смысл нести ужасные потери? Подкрепления и боеприпасы можно было доставлять только через Волгу, а она вся кипела под обстрелом.

"А на какой лад он жалеет, осуждая меня: мол, только и

делает, что посылает и ведет людей на смерть? На какой лад его благородство? Может, на французский? И нам, что ли, по-ихнему поднять лапы? Да после того кому я нужен живой-то? Не нужен прежде всего самому себе. Уж уходил бы, что ли, если резьба свинтилась. А то сидит тут, про себя упрекает: какие, мол, вы все сволочи и звери, сами лезете в огонь и меня, Павла Гоникина, тащите". Чекмареву было гадко от своей раздраженности. Он сам презирал себя за свое желание, чтобы этот человек струсил и ли чтобы его ранило, и он наверняка застонет по-детски.

Но в самую последнюю минуту перед тем, как минеры подорвали дом, в котором сидели немцы и который надо было взять, чтобы овладеть соседним домом, Афанасий сказал Гоникину просто и сурово:

- Тебе не разрешаю идти с нами.

И все-таки не испытывал удовлетворения от того, что приказ его был исполнен, правда, Павел пошумел возмущенно.

Через два дня после того как заняли развалины дома и даже элеватор, они снова собрались в землянке. Оба были награждены орденами и были веселы. Был тут и Хмелев. Афанасий радовался, что Хмелева за храбрость ц полководческую находчивость при взятпп элеватора произвели в подполковники и наградили. И Афанасий снисходительно слушал Гонпкина, говорившего о заслугах Хмелева самоуверенно, с устрашающей решимостью.

- Ну что вы? Что? - смущался Хмелев.

Той особой заслуги Хмелева, о которой так уверенно говорил Гоникин, Чекмарев не видел. Он сам сражался в этом бою, жестоком и остервенелом, когда дрались ножами, железками, кулаками и ногами. Хмелев в это время был за Волгой, конечно, ничего не знал о бое за элеватор, длившемся всего сорок две минуты. Бой вовсе не планировался ни Хмелевым, ни им, Чекмаревым. Завязали его грузчики во главе со своим заводным Игнатом. И он повел своих шпрокоспннных сутулых дружинников к тайному складу во дворе элеватора. Солдаты увидели его с окровавленным лицом, ринулись за ним. После упорной рукопашной элеватор захватили.

В рассуждениях же Гоникина драка эта выглядела заранее планируемой операцией.

Однако радуясь за своего приятеля подполковника Хмелева, Афанасий с улыбкой соглашался: да, мол, все спланировал Хмелев.

- Наша сила, кажется, в духе. В презрении к смерти, - говорил Гоникин, подкручивая усы под помидорно раскрасневшимся после спирта носом.

Афанасий улыбнулся на эту общую фразу. Он очень

обстоятельно и кругло отвечал на вопросы Хмелева. Бои в домах - наше открытие от крайней нужды. Жизнь многому научила его: не выпячиваться, свои заслуги отдавать вышестоящему начальнику. Эта привычка делиться успехом с другими сама по себе была бы приятна ему, если бы в некоторых не сидел моральный взяточник, не терпящий, чтобы кто-нибудь из подчиненных хоть на вершок оказался умнее. Но Хмелев был не из таких, и это радовало Чекмарева.

Гоникин стыдился, боязно даже вообразить мертвым сильного и покладистого Афанасия. Но и то, что с ним ничего не случилось, в то время как многие погибли, а отца его. Игната, тяжело ранило, а попавший в плен молодой офицер, говорят, застрелился, тоже для Гоникина было мучительной загадкой. Корни жизни Афанасия и тех людей переплелись, но вот странно: столько пало в бою, а его не задело. А ведь в жизни людей гуще, чем деревьев в лесу. Падает дерево, уродует другое.

Никакие лишения не брали Афоньку Чекмарева: он был подобран, фигура, и лицо, и жесты выражали силу и уверенность. И еще ту особенную решимость, которая несколько пугала Гоникина.

"Но куда занесла меня моя мысль? Уж не жесток ли я? - подумал Гонпкин. - Нет. все-таки я рад, что Афоньша жив". Он нахмурился: складок на чистом лбу не было лишь чуть заметно подрагивали черные расшитые брови!

Он обрадовался случаю, что надо проводить Хмелева: лучше не оставаться наедине со своими мыслями, угрожавшими ему еще большей откровенностью о таких сторонах жизни, знать которые несвоевременно и опасно.

Вернувшись с мороза в теплый подвал под обвалившимся домом, Гонпкпн почувствовал, что пьян и устал.

Он заснул, но вскоре проснулся в тоске и тревоге.

Чекмарев высмеивал Рябинина, что приказ его не шибко умный, но какой приказ, Гонпкпп не успел спросить.

Рябинин сердито возражал Чекмареву:

- На войне все приказы не шибко умные. Да и какой может быть ум, чтобы послать человека на смерть? А мой приказ, может, единственный за всю войну гениальный.

Натерпимся страху пока в мыслях, а потом прорыв покажется раем.

- Тебя, Рябипин. даже война не избавила от путаницы, - сказал Гопикин. Что-то давило сердце, и он раздражался. - Я не знаю сути спора, не знаю, почему ты окрысился на Афанасия Игнатьевича, но говорил ты, простл уж за откровенность, чудовищно насчет того, что все приказы не умны.

Прежде бы Рябинпи смолчал, зная власть и силу Гоникина и еще по привычке уходить подальше от репья. Теперь война выпрямила его, налила сплои, уверенностью, которые выросли из его презрения к опасностям и смерти.

- Сути не знаешь, Павел Павлович? А когда-нибудь знал? Крутишься вокруг души, как ветер, а заглянуть в душу не можешь. Все у тебя приблизительно. Как бы жизнь не прошла приблизительно, - сказал Рябинпн.

- Но черт возьми! О чом вы спорили?

- С этого бы и начал. Спорили о том, как прорваться к своим, - сказал Рябпыип.

- А мы разве окружены? В чем дело?

- Окружены они, а мы отрезаны, - сказал Афапасий.

"Ах, вот почему так оолит сердце!" - подумал Гоникин.

- Но насколько это серьезно?

- На войне все серьезно, - сказал Афанасий. - Ты вот что, Николай, прочитай свои божественные стихи.

Здорово закручиваешь.

Держа в одной руке стакан, в другой луковицу, Рябянин вдохновенно скрипучим голосом декламировал, глядя незряче поверх голов:

Я - приверженец старой испытанной веры, Не хожу ни в костел, ни в собор, ни в мечеть.

Паши храмы из тонкой фанеры С теплым светом бутылок вина вместо свеч...

Все слушали. И никто не обращал особенного внимания, что неподалеку рвались немецкие мины.

Ночью они разбились на две группы - одну должен был вести Рябинпн, другую, несколько левее от него, - Чекмарев.

Афанасий Чекмарев, прислонившись спиной к камнюпесчанику, будто бы дремал, прищурясь. На самом же деле он прислушивался к стрельбе наверху, к ветру, смотрел на седые от извести впеки Павла Гоникпна, говорившего с Катей, думал о простом и маленьком: как прорваться к реке? Не вообще весь поселок и воевавшие тут немцы занимали его, а вот этот овраг, ведущий к реке, и те солдаты противника, которые мешали ему выйти и напиться. Больше суток не пили ни капли, и он не хотел, чтобы жажда повлияла на его опенки обстановки и качеств людей - противника и свопх.

Не о том думал он, насколько умен или не умен, опытен Гонпкпн вообще, а есть ли в нем и в достаточной ли мере неопределимая тайна духа, которая помогла бы ему с ножом в руках ползти вперед и бесшумно снимать солдат неприятеля. Вообще-то Павел был смел, умен, любил Родину, родных, любил

Катю Мпхееву. Но есть ли в нем тот дух, который нужен сейчас, в этот момент, для необычных поступков? Минутные сомнения своп Афанасий тщательно затоптал, как ошибочно подожженный запальный шнур, и убедил себя в том, что сомнение это не успело передаться Гоникину.

Когда спустились к железной дороге, Чекмарев перестроил порядок.

- Впереди пойду я, за мной - Михеева, а ты, Павел, замыкаешь.

Теперь ему стало все яснее и определеннее, и он без колебания подползал с ножом в зубах к часовому, ходившему у вагона. Ветер тянул со стороны реки, доносил запах жилого вагона, дыма сигареты. В темноте Афанасий подполз к вагону, встал, прижимаясь к буферу, потом отодвинулся за буфер. Солдат был выше его ростом, и поэтому, когда он, помочившись, вывернулся, перешагивая через рельсу, Афанасию пришлось подняться на носки, чтобы левой рукой зажать шапкой рот, а правой ударить в спину. Осторожно, как бы укладывая спать, он опустил солдата на шпалы между рельсами, снял шинель и надел ее на себя. На спине она была теплая чужим теплом и влажная чужой кровью. Не застегиваясь, с автоматом он побежал к другому вагону происходило там что-то опасное и неладное.

Немец сидел на распластанном Гоникине, бил его голову о шпалы. Почему он не шумел, не звал своих, Афанасий узнал потом, когда коротким резким ударом ножа убил его: во рту солдата был кляп, и он не мог выплюнуть его.

По тальнику они выходили к своим, и Афанасию все казалось, что действовал он в схватке с немцами с деловой целесообразностью: они мешали ему пройти к Волге, а ему хотелось пить. Так он думал и когда вышли на затянутую льдом песчаную отмель. Но после утоления жажды волжской водой все изменилось в его представлении: если бы и не хотелось пить, все равно он поступил бы так же.

Катя Михеева и тут вела себя по строгому, ей одной ведомому закону: сначала вымыла руки, потом умылась, потом рукой ковшичком зачерпывала из проруби и подносила к губам воду.

Гоникин лег грудью на наледь, пил взахлеб, постанывая от ломоты в зубах. Потом, жмурясь, жаловался на головную боль в затылке.

"Размагнитил сам себя трепом, вот и оплошал, дал немцу сесть верхом". Афанасий утаил эту мысль, потому что не был уверен в ее правоте. И он припомнил, что большая часть попридержанных им вовремя выводов о людях оказывалась потом

односторонней или уже ненужной.

От усталости Афанасий долго не мог заснуть, пока Рябинин не укрыл его поверх шинели тулупом. И во сне он будто бы проснулся, и пробуждение его было давним подтверждением его счастья: будто в шесть утра вся семья на ногах, даже маленький мальчик, вроде бы сын и вроде племянник, умытый, причесанный, сидит за столом на своем высоком стуле, сам ест кашу и кормит плюшевого красноносого медвежонка по-братски - ему поднесет ложку, потом себе.

И будто бы тут же, в доме, Катя, ей что-то говорят, а она с мудрым эгоизмом беременной никого и ничего не понимает, кроме самой себя и того, кто толкается в ней.

- Ох, неловко мне, - говорит ей Афанасий, - не оправдал надежд, вернулся к причалам. Что мужики-то подумают, а?

Она по-придурочьи мотает головой, наброшенная на плечи вязаная кофта падает на пол, и Афанасий, опередив неловкие движения Кати, поднимает кофту, укрывает плечи Кати, и что-то никак не получается. И место свое в жизни надо искать заново. А место это старое, но к нему никак не привыкнешь. Что-то утеряно им, и отцом, и матерью, и еще какими-то людьми в доме. И ему так тяжело и горько было - ничто не откликалось на его зов.

И он, проснувшись, с минуту раздышивался.

"А ведь действительно, - подумал Афанасий, - все правда, что-то утеряно навсегда, чему-то научился. Закончится война - и пойду на причалы. И там, на старом месте, не так просто будет найти себя. И не только мне.

А искать надо сейчас свой завтрашний день".

18

В скрещении прожекторных лучей видно было, как сыпались из самолета бомбы. Редкие выщелки зениток, обвальный взрыв бомб, выплеснувший воду к ногам, загнал их в щель - неглубокую, до каменного дна озаренвую вспышками стрелявших у оврага зенпток.

Чем гуще ревели самолеты в темном небе, а с земли чаще били зенитки, тем, кажется, меньше становилась Катя - прижимаясь к Афанасию, она лезла головой в подмышку ему, жарко дышала.

"Ну, теперь-то я пропал, - думал он, - ну и девка...

Хоть бы ранило меня!" Это была последняя мольба его перед тем, как переступить разделявшую их недомолвку.

А когда вылез на свежак, сам не узнал своего развеселого полного голоса:

- Катька, пошли!

- Еще посидим... стреляют же. Иди сюда...

Грохот и грозовое пламя разворотили обрывистую кручу оврага. Катя растолкала куски закаменелого суглинка, Еылезла из щели, ощупывая дымно-пыльную мглу.

- Афанасий... Афоня!.. Мама!..

- Не шуми, - отозвался потускневший голос Афанасия. - Отвали камни с ног.

Огляделась. Он лежал на спине, пытался сесть, ошзраясь локтями о землю. Никаких камней на ногах не было, и ног не было. На белом лице его жарко круглились глаза.

- Эх, Катя, поздновато хватился я...

- Помогите! - закричала Катя. Она метнулась, налетела на кого-то, опрокинулась навзничь. А когда пришла в себя, увидала, как по оврагу уходили солдаты с носилками, хрустя гравием. Рябинин и солдат что-то делали с ее рукой.

- Дай ей воды. - сказал Рябинин.

Солдат поднес к ее губам консервную кружку.

- Не плачь, - сказал он, - бывает хуже.

Подошла Федора с винтовкой. На темном ветру трэпыхались уши малахая на ней. Она наклонилась к носилкам, ласково, со скрытым заискиванием спрашивая Рябинина:

- Кого с таким почетом понесли?

- Катерину Михееву ранило, - сказал Рябпнин.

Федора остановила на лице Рябпнпна тяжелые, только что заглянувшие в свое неизбывное горе глаза.

- А-а-а. Ну, мне не попутно.

- Жестокая ты, Федорка... война же...

Федора затянулась дымом цпгаркп, держа ее в рукаве, дыхнула дымом на сторону.

- Она очень совестливая... Пашку Гоникина отняла, Афоню сгубила. Не она, он не попал бы под бомбу. Крутила подолом, как сучка хвостом.

- Что же говорить, воина войной, а жизнь жизнью.

Понесли, что ли?

- Конечно, понесем, не бросать же своих... О господи, когда только поумнеют люди. Катюша, ты стопи, не терпи... Прости уж меня.

19

Потеря крови была невосполнима, и Афанасий Чекмарев, не приходя в сознание, умирал легко. И только виделся ему белый, незапятнанный зимний первопуток. Шибкой рысью мчались с отцом в ковровых санках на рысаке в гости к матери. Ноги холодели в непроглядно-белой снежной бесконечности. А совсем рядом, за теменем, жаркие голоса и чьи-то глаза светятся пз голубого соленого чгия. И хотя оп смотрел вперед на седую,

переплетенную с метелью грпзу коня, он все равно видел, не оборачиваясь, эти испечалепные до бездонной черноты глаза за своей спиной. Оп оборачивается к темноте навсегда.

Рябпнин сидел на кочкарнике, жевал сухой с плесенью хлеб, взглядывая на меняющееся лицо Афанасия.

Над перелеском текла с извечным постоянством утренняя заря, красным холодом жгла вершины деревьев.

Поднялось солнце, заиграло на льду реки. Морозный воздух стал свеж, густ и радостен.